

г-жа Лузина

Джек-потрошитель с Крещатика

Пятый
провал

Киевские
ведьмы

Инфернальная
г-жа Лузина

снова поразовала изысканную
публику новой книгой об
ужасах и тайнах города Киева.

**Джек-
потрошитель**

бродит по Крещатику, изны-
вая от животных
страстей. Падшие дамы
трепещут!

**ЗАКАЗЧИКЪ НИЧѢМЪ
НЕ РИСКУЕТЪ,**

НОВОСТЬ!

Тайны подземелий Зеленого
театра исследует путеше-
ственница во времени Мария
Ковалева

Прекрасная
предпринимательница
г-жа Дображанская
пытается разгадать
тайну смерти своих
родителей, оставивших
ее горемычной сиротой
еще в малолетстве.

Брак с призраком! Художник-мистик
г-н Котарбинский, известный своими
работами во Владимирском соборе
и особняках г-д Терещенко и Ханенко,
сочетался браком с привидением
Дамы под балью.

Впервые — полная биография художника
от известнейшей мемуаристки
мадам Потаниной.

Ирина Сергеевна Потанина
Лада Лузина
Джек-потрошитель с
Крещатика. Пятый провал
Серия «Джек-потрошитель
с Крещатика», книга 2
Серия «Ретродетектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44786471

*Джек-потрошитель с Крещатика. Пятый провал: Фолио; Харьков;
2018*

ISBN Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

В этой книге читатель найдет продолжение нового романа Лады Лузиной, одной из самых продаваемых писательниц Украины, где причудливо переплелось киевское время: 80-е годы XIX столетия и день сегодняшний, где ночи полны ужаса, а дни – неожиданных открытий. Писательницей с удивительной точностью передана характерная атмосфера старого Киева – города эстетского, богемного, загадочного, полного тайн. Где по Крещатику, нагоняя страх, бродит свой Джек-потрошитель в поисках новых жертв... Также в данной книге представлены главы

из первой полной биографии Вильгельма Котарбинского – от другой известной украинской писательницы Ирины Потаниной.

Содержание

Лада Лузина	6
Тень Демона	6
Глава седьмая,	6
Глава восьмая,	32
Глава девятая,	64
Глава десятая,	106
Конец ознакомительного фрагмента.	112

**Лада лузина,
ирина потанина
Джек-потрошитель с
Крещатика. Пятый провал**

© Л. Лузина, 2018

© И. Потанина, 2018 (Ретродетектив)

© Е. Гугалова-Мешкова, художе- ственное оформление,
2018

© Издательство «Фолио», SBN 978-966-03-8349-4 (Кн. 2)
марка серии, 2018

* * *

Лада Лузина

Тень Демона
(продолжение)

**Глава седьмая,
запутанная и мрачная**

Двухэтажное, с двумя симметричными флигелями здание Анатомического театра Киевского университета св. Владимира выглядело в наступающих сумерках хмуро, окна уже не горели. И на мгновение визитерши усомнились, что им удастся попасть вовнутрь, но дверь почти сразу открылась на стук.

Сторож выслушал их просьбу без любопытства и удивления.

– Эко вас всех на нее потянуло, – отреагировал он на их щедрый аванс. – Прямо не знаю... хоть объявляй бенефис. У нас ведь, какой-никакой, а театр. Кабы покойница при жизни пользовалась таким успехом, наверное, не скончалась бы под забором. Вместе с вашими, как померла, уже семьдесят рублей заработала.

– Много.

– А при жизни цена ей была – полушка, – философски завершил сторож словами заправского шекспировского могильщика.

И внешность у него была подходящая – высокий, худой, с взъерошенными и пышными седыми космами волос, которые вряд ли мог укротить гребешок. На плечах у него лежал длинный клетчатый плед в сине-красную клетку.

– Хоть есть на что посмотреть? – спросила Даша.

– Смотря, что вы хотите увидеть... Дай бог память, где наша бенефициантка-то, здесь или в ледник уж снесли? По-

глядим тут для начала. Прошу! – местный Харон указал им направление, и минуту спустя, попетляв по темным коридорам, они оказались рядом с дверями трупарни. – Заходите, не бойтесь.

– А вы совсем не боитесь? – спросила Акнир, скорее чтобы поддержать разговор.

– Мы привыкшие. Тут и обитель моя, – ткнул он пальцем в сторону ничем не примечательной двери между трупарней и другим помещением, судя по запаху – ватерклозетом. – Что застыли-то? Уж заходите, не мешкайте, у меня нынче еще одно дельце имеется... праздник сегодня большой.

– Уж не Хэллоуин ли? – пошутила Даша и пояснила: – Это в Америке-Европе празднуют, в Ирландии, в Англии...

– А вы не смотрите на вид, – внезапно обиделся сторож, – я человек просвещенный, бывший студент, и лишь прискорбные обстоятельства, не имеющие касательства к делу, не позволили мне завершить образование, соразмерное моему дарованию. Однако газеты читаю регулярно. Жаль, из Англии они приходят с опозданием на день или два... Вот, если желаете подтверждений, – с видом поправленного достоинства он извлек из-под складок пледа сложенную вчетверо затертую газету «Manchester Guardian», – ту самую, которую ранее дала им Пепита. – И прошу заметить, что с момента открытия наш Анатомический театр считается лучшим в Европе и снискал особую славу благодаря уникальной коллекции профессора Вальтера – собранию черепов и различных

зародышей.

Сторож толкнул дверь, зашел в большой и холодный, как огромная черная могила, зал и повернул ручку электрического выключателя. Под потолком загорелись матовые шары, помещение заполнилось желтоватым светом, тускло замерцал кафель и стеклянные пробирки, баночки с пробками, медицинские инструменты, приборы в маленьких шкафчиках. Они увидели череду одинаковых покрытых цинком столов с желобами для стока крови. Большинство из них были пусты, лишь на некоторых лежали накрытые серовой тканью тела.

– Поглядим, кто тут остался у нас? – сторож сдернул покров с первого покойника.

– Красивый, – невольно прошептала Даша.

Даже в смерти заостреннее желтое тело молодого мужчины не утратило своей привлекательности – великолепно развитая мускулатура, страдальческая складка рта, заострившийся нос и страшная багровая рана на виске.

– Офицерик. Вчера застрелился, – пояснил сторож. – Дурак... жизнь в карты продул. Что стоите, желаете лицезреть его дальше?

– Нет, нет... – открестилась Даша, с трудом оторвав опечаленный взгляд от красивого мертвого лица. – Нам прости-тутка нужна.

– Что ж, на вкус и цвет товарища нет, одному нравится арбуз, а другому свиной хрящик, – не упустил случая щеголь-

нуть фразу сторож и отдернул другую простыню.

И нехорошее чувство поселилось под сердцем у Даши, – какое-то несоответствие, еще не окрещенная ею неправильность происходящего.

На оцинкованном столе лежала девушка – с бледным телом, почти белыми мертвыми губами и длинными русалочьими волосами, такими черными, какие бывают лишь у определенных народов, цыган или молдаван.

Такие же длинные прямые черные волосы были у барышни в одесском ресторане.

«...так ходят только русалки и душечки», – сказала Акнир.

На шее покойницы виднелся явственный след от петли, глаза почему-то остались открытыми и отражающиеся в них огни делали их безумными. Тело девушки было покрыто ужасными синяками и кровоподтеками.

– Эту жизнь допекла, – печально сказал сторож. – Сама в петлю полезла. Отец каждый день надругался.

Он не стал сдергивать третье покрывало, лишь показал на специфический «горб» в середине.

– Там, помню, пузач лежит... скрипач, утром представился, музыкантишка из трактира, – значит, ваша красotka ниже. Хотя, в ее положении, казалось бы, ниже некуда!

– А это что такое? – спросила шепотом Даша.

Откуда-то из недр Анатомического театра она услышала песню.

В гулких пустых залах городского морга, в сумерках подступающего праздника нечисти, песня была слишком неуместной – или, напротив, невыносимо уместной:

Ой, той, що згубив мене, той, що згубив... –

тихо выводил девичий голос.

– Дочь моя поет, – и бровью не повел седой сторож, – со мной здесь проживает на казенной квартире. Любит мало-российские песни.

Ой, той, що згубив мене, той, що згубив,
Вийди ніччю в садочок,
Виїсть роса тобі очі
За мої сльози дівочі...

И Чуб вдруг показалось, что изуродованная побоями русалка с безумным взглядом внимательно слушает песню – до странности уместные здесь слова о гибели и мести.

– Еще раз милостивейше прошу вас поторопиться, милые барышни, – сказал сторож. – Времени почти не осталось, – Харон извлек из под пледа часы на цепочке, покачал всклокоченной седой головой и вдруг выкинул штуку – передернул плечами, сбросил себе на руку клетчатый плед, словно романтический плащ, и предстал перед ними во фраке с белой манишкой.

– А может, я в театр иду! – с непонятным весельем пояс-

нил он. — Здесь тоже театр, знамо... но иногда хотелось бы и на живых посмотреть актеришек, тоже занятное дело.

Они вышли из здания, следуя за огоньком прихваченной сторожем керосиновой лампы, зашли во двор и спустились в подвал по узкой крутой и склизкой каменной лестнице. Здесь, в наполненном тяжелыми миазмами небольшом помещении, со стенами-сотами-ячейками, такими узкими, что в первый миг было трудно понять, как туда можно поместить человека, хранились десятки трупов. Едва ли не из каждого отверстия торчали чьи-то голые ступни, дотошно помеченные номерками.

— Кажись, вот эта, — ухватившись за голую ногу, как за рукоятку, Харон вытащил на свет маленькой лампочки закостевевшее, неподвижное тело и без всякого почтения швырнул его на каменный пол.

Холодом и безнадеей дохнуло на них, — в медицинском зале была своя торжественность, скупое благородство науки, здесь безотрадное убожество нищей смерти было не прикрыто ничем.

— Прошу любить и жаловать... Ирина Степановна Покобудько, 37 лет от роду, между прочим, потомственная аристократка. Видно, была у нее и своя история. Может, девицей из отчего дома с офицером сбежала, может, батюшка ейный разорился да оставил нищей семью... теперь уж никогда не узнаем.

Чуб с печалью смотрела на изношенное рыхлое тело с об-

висшими грудями, лежащими на выпирающих ребрах как два опустевших мешка, ноги, покрытые болезненными пятнами, и изуродованное страшной мукой лицо.

На худой желтой шее виднелись два характерных пореза – крест-накрест. Брюшная полость была аккуратно заштопана умелой рукой медика. Акнир присела и провела пальцем по швам:

– Так ее здесь уже вскрыли или так привезли – с порезами на животе?

– Нам на этот вопрос отвечать не положено.

– А деньги за показ ты взял, – укорила Акнир.

– Взял за показ – показал. А за сказ мне ничего не давали, – охотно парировал сторож, точно между ними шла непонятная игра.

– А если дадим?.. – начала Даша.

– Полиция и профессорам-то лишнее болтать не велела.

– Если полиция говорить не велела, это, само по себе, уже кое о чем говорит, – заметила Даша. – А если мы немного приплатим?

– То я скажу, что был у нее порез на животе, но так чтоб все нутро навыворот... подобного не было.

– Это ничего не опровергает, но и ничего не доказывает, – процедила Акнир. – Убийцу могли спугнуть. Или это был подражатель, не решившийся довести до конца. Или сутенер, посчитавший, что пришла пора ее наказать. С другой стороны, у самой первый жертвы Джека тоже было перере-

зано только горло и слегка поврежден живот.

Даша покосилась на сторожа. Тот кивнул со знанием дела:
– Первая жертва Энн Николз, 43 лет, убита в пятницу 31 августа 1888 года. На горле два пореза, в брюшной полости рваные раны. Да не конфузьтесь, вы ведь не первые, кто думает, что у нас свой Потрошитель объявился. Чего ж нет? Не я один, всякий мог газету взять и про Jack the Ripper прочитать и проникнуться, так сказать, идеей веселых дамочек резать... из соображений нравственной гигиены, к примеру. Знаете, сколько у нас таких, как она... Не знаете? А я вот знаю из тех же газет – тысячи, каждый день поступления. И еще скажу вам: все это – скверное дельце! Раз есть одна «потрошеночка», будет у нас и вторая.

– То есть вам их не жалко? – свела брови Даша.

«Вдруг он и есть киевский Ripper?» – подумала Чуб. Во всяком случае, психологический портрет был весьма подходящим.

– Такое добро что жалеть? – ответил Харон. – Непотребство одно, чем меньше их будет, тем лучше. Я вам так скажу: многие этого Джека за героя считают... вот, говорят, волк – санитар леса. Он убивает больных и старых животных. И заметьте, кого Джек убивал... не молодых да красивых, а старых, страшных, опустившихся дам, которые дают за копейку, или что там в ходу у тех англичан. И кабы Джек не убил их, что, скажите мне, ожидало бы старых шлюх дальше? Всего через год или полгода, когда бы и у последнего пьяного сол-

дата они бы уже не могли вызвать желание... Только медленная, страшная, голодная смерть на помойке.

– То есть, по-вашему, Джек-потрошитель – благодетель? – изумилась Даша.

– Отчего же и нет? Быстрая смерть – это благо. Он ведь сначала по шее их чиркал... а после над трупом бездыханным свои поэмы плоти творил.

– И его поэмы плоти вас не смущают?

– Меня-то?.. – едва не засмеялся Харон из трупарни. – Да я тут каждый день этих потрошителей вижу. Медики, профессора, студюзусы с медицинского факультета – все приходят сюда, чтоб крошить трупы, как кур.

– Так они же над мертвыми...

– Так и я вам о том – Джек тоже над мертвыми вершил свое дело. В чем же разница между ним и почтенным профессором, который приходит сюда потрошить тех же бедняг? – спросил он с видом заправского адвоката дьявола. – Для потрошения трупов наш Анатомический театр и построили, это, если хотите, киевский Храм Джека-потрошителя!

И что-то в этом странном любителе обстоятельных дискуссий показалось Чуб inferнальным, точно рожки проглядывали в его шевелюре, черти плясали в глазах с нехорошей искрой. И почудилось, что вот сейчас он откинет со лба седую прядь, и они увидят под ней кровавую смертельную рану – и дивный фрачник, принимающий их на Хэллоуин в царстве мертвых, окажется таким же мертвым, как и другие

обитатели киевской анатомички.

– Но ведь сюда привозят покойных, а Джек сам убивал их, лишал жизни! – вступила в спор Акирам, сохранявшая полное равнодушие к их философским конструкциям – на ее юном лице не было ничего, кроме явного недовольства бестолковым вояжем сюда.

– Ах, оставьте, вы положительно меня удивляете! – сторож точно только и ждал сего аргумента, мечтая продолжить диспут. – Никого не интересуют убитые, ни здесь, ни в Лондоне. Вы знаете, сколько в большом городе умирает людей? И никому нет до них дела... Вот вы не верите, что Джек – благодетель? Значит, больно нежны, не бывали на самом-то дне, не видали, как гибнут старые, никому не нужные шлюхи... как их гонят словно паршивых собак, как, заведя их гнилые носы, не пускают даже в ночлежку... как забивают насмерть ради потехи... Может, вам не на этот труп стоит смотреть... Может, вам другой труп показать – пострашней? Шлюхи, не встретившей вовремя своего Потрошителя! Есть у меня и такой...

– Хватит... не надо.

Даша выскочила из подвала и побежала по лестнице в темный двор... и песня, возникшая вновь из ниоткуда, опять побежала за ней, прилипла к ушам:

Ой, той, що згубив мене, той, що згубив,
Вийди ніччю в садочок...

Акнир и Харон появились две минуты спустя.

– Я не хотел вас стращать, – примирительно сказал сторож, явно надеясь получить обещанный остаток оплаты. – Негоже дамочкам такое смотреть.

– Да, из женщин мы здесь, наверное, первые, – сказала Акнир.

– Нет, была одна и до вас... интересовалась. Настоящая дама, под вуалью. Мы славно с ней побеседовали о Дантовом аде. Она и картинку любопытную мне подарила.

– Что за картинка? – оживилась Акнир.

Сторож полез было в карман, но ничего не достал – выжидательно посмотрел на барышень.

За его богомерзкие речи Чуб уже пообещала себе зажать остаток, но местный Харон был хорошим психологом, и она сдалась – протянула монетку и получила взамен гладкий листок.

На белой мелованной бумаге совсем из другого, XX столетья, была изображена средневековая церковная фреска: поджаривающаяся на адском огне грешница с разорванным алым чревом, над которым склонились три страшных Демона, зубами и когтями они тянули из несчастной кишки.

– Если милые барышни пожелают взглянуть на коллекцию черепов и зародышей профессора Вальтера – всегда милости просим, – попрощался с ними сторож.

И пока Акнир рылась в своей сумочке, подмигнул Да-

ше так внезапно, азартно, недобро, словно пообещал: скоро встретимся, милая барышня!

– Пожалуй, мы все же сходили не зря, – признала Акнир, когда они вернулись в буфет цирка и заняли свой любимый столик напротив двери, надеясь высидеть тут встречу с Врубелем. – Мама тоже была в анатомичке... не сомневаюсь, сторож ее позабавил. Она верит в киевского Джека.

– С чего ты взяла?

– Ты видела картинку, где Демоны вскрывают в аду грешнице живот и выедают кишки? Тоже своеобразные джеки-потрошители. Да и разве сам ваш Бог – не Потрошитель, если после смерти наказывает грешников так?

«...На его милость вам уповать в аду точно не стоит»

«...после смерти черти будут рвать твою душу...»

«Я видела ад...»

В буфете было шумно, все столики заполонили девицы из дамского венского оркестра в одинаковых платьях, крохотных цилиндрах, и унылый буфетчик Бобо буквально расцвел на глазах.

– Так Бог наш во всем виноват? – отогнала страхи Землепотрясная Даша. – Он лично горизонталок кромсает?

– Все может быть, – ответила Акнир одними губами. – Но скорее моя мама поверит в человека, который именно так представляет христианский ад – как место, где грешницам заслуженно выпускают кишки. Киев считают святым Городом, здесь на каждый квадратный метр – десять религиозных фанатиков. А по случаю юбилея Крещения – того больше. Если в этом Городе кто-то начал крошить проституток, то это не обычный маньяк, а религиозный, решивший очистить от шлюх Иерусалим Русской земли. Да хоть тем же ножом «Завьялов», которым Авраам на Крещатике по божьему промыслу чуть не зарезал Исаака.

– Ты просто ведьма и не любишь верующих, и считаешь, что от них одно зло... – благодушно заметила Даша. И умолкла.

Пословица «Про вовка промовка – а вовк у хату!» оказалась верна – в буфет зашла Кылына. Сегодня на ней был модный темно-синий costume collant, плотно облегающий фигуру. Края рукавов и воротник-стойка были оторочены мехом, а к турнюру пристегнулся длинный подол – «хвост» тянулся следом и казался живым, и в отличие от «тыквы» наличие хвоста показалось Чуб весьма привлекательным. Особенно, коли вспомнить, что, по верованиям слепых, главным признаком ведьмы является хвост.

Одновременно с Кылыной в буфете появился неизвест-

ный немолодой представительный господин с докторской бородкой – он застыл в дверях, внимательно обшаривая глазами столик за столиком. И пошатнулся, едва не сбитый с ног...

Звения шпорами, в помещение ворвался поручик Дусин. В руках у него был огромный букет оранжерейных роз.

– Коко, душа моя, вы живы... я счастлив! – он всунул букет в ее руки, упал на колени, страстно обнял Дашины ноги и разразился неслыханным досель красноречием. – Будьте моей женой! Простите великодушно, что я простираю свою дерзость настолько, до самых небес, но в эти два дня, когда я думал, что утратил вас навеки, я понял все, и все осознал... Не думайте, что ваше исчезновение раскислило меня и я принял решение под влиянием печального настроения. Нет. Я люблю вас! Я никого так как вас... Я оставлю службу, вы бросите цирк... у меня есть небольшое имение под Полтавой... а не желаете, так по вашему слову будет квартира, барская обстановка, рысаки, рестораны. И я обещаю, мы будем очень-очень счастливы... О, как я счастлив! Как только мне принесли эту новость, я весь вне себя!..

– Дусин, – пробурчала Даша, пытаясь вывернуться из его горячих объятий, – если это попытка удивить меня, то не проканало.

– Коко, вы моя королева... повелевайте мной! – поручик вскочил, с неожиданной силой подхватил Дашу на руки и закружил ее в воздухе.

«О, б...», – едва не выдала та.

Мужчина с бородкой стоял в центре залы, не сводя с их компании внимательного взгляда, – он смотрел на них так, словно уже поставил диагноз. Приподняв черную вуаль, Киевица Кылына развернулась к живописной конструкции «Даша на Дусине». Вся конспирация летела псу под хвост из-за одного дурака, с крепкими ляжками и слишком счастливым лицом.

Но не это ужаснуло Землепотрясную Дашу... В миг, когда румяный поручик поднял ее, она вспомнила другого мужчину – студента, точно так же прильнувшего к ней всем телом, вспомнила, как тело его стало прозрачным и жидким, исчезло в ней как в приснопамятном Козьем болоте.

«Якщо жінка не постилася на Велику П'ятницку...»

А ведь она не постилась!!!!

НЕ ПОСТИЛАСЬ!

«Вдруг настоящий Провал – это я?»

Даша резко отпрянула – точнее, отклонилась назад так, что бедняга Дусин едва не потерял равновесие, но, видно, физическая подготовка была в его полку на «ять» – он удержался, обхватив Чуб еще крепче... и тогда она забилась, закричала:

– Дусин, быстро отбегай от меня... Отойди, а то я за себя не ручаюсь!

– О, Коко! – окончательно впал в восторг он. – Вы тоже неравнодушны ко мне!..

– Отпрыгни от меня, идиот! – за неимением других, неругательных слов Чуб принялась колошматить поручика розовым букетом.

Он замер, по-прежнему держа ее в воздухе и моргая глазами.

– Немедленно поставь меня на место, – поручик ошарашенно выполнил приказ. – А теперь – кругом, шагом марш! И не смей даже на глаза мне показываться...

– Но Коко... – залепетал Дусин, и яблочки его щек зааляли еще сильнее. Зеркальные пуговицы взглянули заискивающе и просяще. – Неужели я должен принять это как ваш отказ?

Даша бросила взгляд на мужчину с докторской бородкой – тот успел заказать себе чашку чая и шел теперь к ним.

– Ты сказал приказывать тебе. Так исчезни! Это приказ... раз... я считаю до трех! Два...

Поручика сдуло как ветром.

Его тут же заменил немолодой бородатый господин.

– Позвольте представиться, профессор психиатрии Сикорский. Могу я присоединиться к вам ненадолго? – под докторской бородкой был добротный пиджак с галстуком, над ней – золотое пенсне.

– Прошу вас, – Даша жестом предложила ему присесть, заметив краем глаза, как Кылына равнодушно отвернулась от них, а все девицы из дамского оркестра принялись горячо перешептываться, обсуждая закончившийся любовный

спектакль с участием жестокосердной Коко Мерсье.

Профессор бережно поставил на стол свою чашку.

– Я вас искал. Вы, насколько мне известно, дружны с Михаилом Александровичем Врубелем, но еще не виделись с ним после печальных событий, – он говорил обтекаемо. – Так случилось, что я присутствовал при визите несчастного отца господина Врубеля к профессору Прахову и, должен сказать, был потрясен. Позвольте обойтись без поэтизмов... Случившееся – весьма опасные признаки безумия, неумолимо надвигающегося на вашего друга. В моей практике часто бывали такие случаи: человек вдруг воображал, что должен ехать куда-то по важному и срочному делу. Он мог сесть в поезд без билета, без вещей, без денег и паспорта, и затем забыть, кто он и зачем куда-то едет. Потом мог вообразить, что находится у себя дома, захотеть пойти в другую комнату и упасть на рельсы, переходя из одного вагона в другой. И если такой человек по воле случая оставался жив и отделывался только отрезанной колесами вагона рукой или ногой, придя в сознание в больнице, он не сразу вспоминал, кто он такой, где живет, и не мог объяснить, как попал в поезд и под колеса вагона.

– Так вы считаете, что Мише грозит смертельная опасность? – нетерпеливо уточнила Даша.

– Я тревожусь не только о нем... Прежде всего я хочу вас заверить, что, рассказывая небылицы, Михаил Александрович не лжет и его слова ни в коем случае нельзя воспри-

нимать как обман или нелепую попытку занять денег. Не сомневайтесь, ваш друг совершенно искренне пережил горе неожиданной смерти отца, о которой его никто не извещал, кроме расстроенного воображения. Он действительно поехал его хоронить... но доехал ли до Харькова или вышел раньше на какой-нибудь станции – нам неизвестно. Мы лишь знаем, что он уже вернулся и ничего не рассказывает нам о своей поездке. Он ничего не помнит!

– Ну, так пропишите ему бром от душевной хандры. Почему нам с сестрой следует знать все это? К чему вы клоните, профессор? – насупилась Даша.

– Мы не знаем, где он был эти два дня и что делал, – с нажимом повторил профессор. – И сам он не знает... И если бы мы были не в Киеве, а, к примеру, в городе Лондоне, многие могли бы заподозрить нечто весьма нехорошее... Например, что именно ваш общий друг – печально известный Джек-потрошитель.

– Это с какого еще прибабаха? – возмутилась Землепотрясная Чуб.

Акнир сохранила привычное хладнокровие. Было совершенно не ясно, с какими чувствами она приняла противоречивый диагноз профессора.

– О, я могу назвать много причин... – сказал Сикорский. – Во-первых, известно, что лондонский убийца прекрасно разбирается в анатомии, а подобными знаниями обладает хирург... или художник, который по роду деятельности тоже

изучал анатомию. Некоторые живописцы специально ходят в анатомический театр. Во-вторых, ни для кого из его друзей не секрет, что он, уж простите мою прямоту, посещает женщин подобного рода. В-третьих, вы видели последние работы Михаила Александровича? Занятная техника, образы людей словно собраны из фрагментов, как панно из мозаики или отдельных частей тела... Ну, и последнее – самое худшее. История с отцом – не единственный тревожный симптом. Профессор Прахов рассказал мне, что Врубель безжалостно уничтожает свои работы...

– Ну и что с того? Если работа неудачная... – Даша вдруг вспомнила суд над Менделем Бейлисом, в процессе которого именно профессор психиатрии Сикорский признал убийство отрока Андрея Ющинского ритуальным. И жестоко ошибся!

Но в данный момент она обвинила его преждевременно: – Повторюсь. В таком состоянии человек вполне искренне, вполне реально переживает то, что создает его большое воображение. Он не отличает реальность от вымысла... он постоянно убивает свои работы... и если однажды он напишет ваш портрет, а потом решит, что работа не слишком удачная... я не знаю, кого именно он уничтожит, вас или свое полотно! Естественно, мое сравнение с Потрошителем – пустое. Он там, а Михаил Александрович здесь. Но опасность, о которой я говорю – реальная!

«...реальная»

«...посещает женщин подобного рода»

Толчком из глубин памяти выплыло то, чему она совершенно не придавала значения – дочь Ирки Косой махнула Мише рукой, когда они шли мимо них... вряд ли она бы стала махать рукой незнакомому мужчине с двумя дамами. Дочь убитой знала его!

И не только она?

«Милой Нине от М. В.»... От Михаила Врубеля?

Даша представила Мишу, перебиравшего органы, печень, селезенку и почки, с таким же восторгом, с каким он складывал в картины ее блестящие камушки... Возможно ли это? Не уличный «свободный художник» с бритвой в кармане, а гениальный художник, который сходит с ума?

– Но если бы... если бы Врубель убил кого-то... он знал бы об этом? – неуверенно спросила она.

– Скорее всего, нет, – сказал профессор. – Характерная особенность таких случаев – человек почти никогда не помнит, что с ним было, куда он ездил и что там делал, когда возвращается к себе домой. Скорее всего, он позабыл бы это, как и свою поездку в Харьков, или посчитал это просто фантазией, дурным сном.

– Какое невыносимое омерзение слушать вас, не уважаемый мной профессор! – внезапно и громко объявил женский голос. Даша с удивлением посмотрела на даму с соседнего столика, молодую, в пиджаке мужского покроя. – Все, все в медицинских кругах судачат об этих мерзких убийствах, и

никто не скажет правду! – Дама была коротко стриженной, что в 1888 году само по себе говорило о многом – суфражистка, притом убежденная! И даже перо на ее маленькой шляпе стояло гордо и вертикально, как «фак». – Но, если бы вы спросили меня, я бы обвинила не бедного больного человека, о котором у вас идет речь... – Даму ничуть не волновало, что ее никто не спрашивал. – Я могу доказать, что человека вроде Джека у нас считают нормальным. Посчитают, как только узнают его профессию...

– Хирург? – с любопытством предположила Даша.

– Джек-потрошитель – психиатр! – дама встала, приподняла черный зонтик и указала им на профессора психиатрии Сикорского. – Вы знаете, что объединяет все убийства, которые Потрошителю удалось довести до конца? У всех женщин была вырезана матка. Да, я говорю это слово вслух! – объявила она и обвела грозным взором небольшую аудиторию циркового буфета. – А вам известно, что в Англии женщинам, обвиненным в истерии, предписано удалять матку? И после этого вы осмеливаетесь обвинять в изуверстве какого-то Джека?

– Ты шутишь?

На самом деле суфражистке удалось ужаснуть только Землепотрясную Чуб – какими бы распущенными ни были нравы цирковых гимнасток и девиц из оркестра, даже они, видимо, полагали, что клитор – что-то вроде клистира, матка – дама из рода пчел, а их ошарашенный вид объяснялся лишь

полной неспособностью увязать женские права с пчеловодством.

— О, я могу рассказать вам много историй! — дама достала из кармана небольшую синюю книжицу, с заложенным между страницами карандашиком. — Как женщине удалили матку, оттого что у нее были проблемы со зрением. Или еще история, — она с хрустом перевернула страницу, — о девушке, у которой было так много поклонников, что ее врач-психиатр посчитал бедняжку виновной в чрезмерном желании, которое она вызывает у мужчин, и отрезал ей клитор. А одна женщина призналась врачу, что иногда задумывается и о других мужчинах, а не только о муже — и он сразу вылечил ее... Догадаетесь как?

— Подобные методы больше не практикуется! — отрезал Сикорский.

— Разве? — суфражистка сняла пиджак с таким видом, словно собиралась вызвать его на боксерский ринг. — Разве ваши коллеги в Америке не пропагандируют до сих пор обрезание клитора в качестве метода лечения всех психических заболеваний, включая истерию? И разве после того как господин Бейкер Браун, удаливший у сотен женщин клиторы и яичники, не был со скандалом исключен из Общества акушеров Лондона, у него не остались последователи среди врачей, до сих пор возмущенные свержением их кумира? Последователи, почитающие своим долгом лечить женщин от истерии. А одно из известных проявлений истерии — без-

нравственное поведение... проституция! Так почему бы кому-то из них не решить вылечить всех проституток Лондона методом удаления матки?

– И в Киеве проституток свозят в Кирилловскую, как и психбольных, – напомнила сама себе Чуб. – Почему?

– Ты ошибаешься, Лиза, – внезапно подала голос молодая спутница суфражистки, – я уверена, Джек боролся с проституцией! Он желал привлечь внимание к женским проблемам... Ведь сколько несчастных падших женщин умирало на улице, сколько были убиты?.. – казалось, что даже фонарики на рукавах ее белой блузы пузырятся не просто так, а от возмущения. – И кого это волновало, пока не появился Джек? Кто он, этот Джек, если не иллюстрация нашего бездушного общества, которое потрошит каждого как рыб, забирая здоровье, жизнь и даже наши кишки...

– Я требую прекратить здесь политический митинг! – не выдержав, закричал басом солидный мужчина в костюме-тройке, уловив в речах девушки знакомую революционную крамолу. – Вы не в цирке...

– А где? – вопросительно присвистнула Чуб.

– Вы все – потрошители, все современные медики! – старшая суфражистка проколола воздух своим зонтиком так энергично, точно в руках у нее была шпага, а все присутствующие уже были вызваны ею на дуэль. – Все, кто убежден, что быть женщиной и любить, и не чуждаться тела – болезнь. Все, кто считает, что каждая из нас больна уже потому, что

она – женщина. И я, и вы, и она, – ее зонт указал на Кылыну...

И тут случилось немыслимое.

Женщина в костюме collant вскочила, ее тело затряслось в истерическом припадке, длинная черная вуаль затанцевала, как черный водопад.

Кылына быстро подняла кверху руки с согнутыми крючковатыми пальцами, точно намеревалась сдаться в плен, и резко откинулась назад – запрокинув голову и продолжая трястись, изогнулась в «мостик» так низко, что перо на ее шляпе коснулось пола.

– Arcus hystericus, – в ужасе произнес профессор Сикорский, не отводя взгляда от трясущейся, и перевел машинально: – Истерическая дуга... Тоническая судорога... У несчастной истерический припадок!

Кылына заорала... А Даша вспомнила, что уже видела подобное когда-то давно, в тот страшный час, когда Киевица Кылына билась в страшных адских муках, не желая передавать им Троим свою силу...

Ведьма Кылына умирала?

Ее тело тряслось все сильнее, руки и ноги выворачивала ужасная судорога. Не выдержав, буфетчик Бобо, хромая, бросился к ней... но в этот момент Кылына выпрямилась пружиной и, издав страшный крик, подобрала подол и побежала прямо на стену, а затем и по ней.

Несколько секунд присутствующие в изумлении смотре-

ли, как неподобающе заголившиеся женские ножки в сапожках и чулках-паутинках бегут по вертикальной стене, нарушая одновременно законы приличия и земного притяжения... Однако секунду спустя подошвы Кылыны оторвались от стены, тело с грохотом повалилось на пол, она пронзительно застонала, забилась и обмякла, лишившись чувств.

– Вот до чего ваш монолог довел бедную женщину! И охота же вам сочинять скандалы! – укорил стриженую бунтарку Сикорский и бросился к бездыханной даме. – Карету скорой помощи... поторопитесь, прошу!

– Пойдем. Быстро! – шепнула Даше Акнир.

Ведьма первая выполнила собственный приказ – Даша догнала ее уже в коридоре.

– Ты что, даже не подойдешь к собственной матери? Не узнаешь, как она? – потрясенно спросила Чуб.

– Нам нужно срочно найти Врубеля, – сказала веда.

– Тебя Врубель уже волнует больше чем мама? Приехали!

– Я жива... значит, и моя мама тоже. Меня не интересуют ее обмороки, о них преотлично позаботится профессор Сикорский. Меня интересует другое: кто только что пытался убить мою мать? – сказала Акнир.

**Глава восьмая,
повествующая о том, как
во Владимирском соборе
происходят страшные вещи**

В поисках Врубеля «сестры Мерсье» заглянули к себе в меблирашки, надеясь, что Миша поджидает их дома. Еще через пятнадцать минут, невзирая на поздний час, постучались в особняк к Тарновским на Золотоворотской – Миша нередко навещался к ним в последнее время. Но Врубеля не сыскалось и там – о чем им, без должного уважения, сообщил через закрытые двери грубый лакей.

– Он сказал, Прахов разрешил ему ночевать во Владимирском соборе! – вспомнила Даша. – Сходим туда?

Людей на улицах темного провинциального Киева уже почти не было, где-то лаяли собаки. Византийская семикупольная громада Владимирского собора высилась впереди – как православный Гулливер на фоне множества маленьких частных домишек.

– Что ты думаешь о теории профессора Сикорского? – поинтересовалась Акнир, когда они второй раз за сегодняшний день поравнялись с Городским театром.

– О том, что Миша опасен для нас? Пфуй! Ерундень!

– Профессору не первому пришла мысль о художнике, – сказала ведьма. – Пытаясь угадать имя Потрошителя, исследователи называли много имен, от принца Уэльского Альберта до Ван Гога и английского живописца Уолтера Ричарда Сикерта. Последний слишком часто рисовал голых, мертвых на вид женщин в кроватях дешевых отелей. А позировали ему проститутки.

жет быть Потрошитель. Потому что он даже пуговицы на бабе ни разу не расстегнул. Может, Джек живот своей первой женщине потому и разрезал, что до сорока лет не знал, как женское платье расстегивается... Пфуй! И во-о-ще Врубель никогда не был в Лондоне. И не мог быть!

– Так же, как мы не могли побывать в Одессе? – саркастично спросила Акнир. – Он был в Провалле. Мы не знаем, где он был, и он сам не знает, что делал. Но после этого он начал сходиться с ума.

– Скорей я поверю, что при встрече с горизонталками он отдал им последнюю рубашку... из жалости! И быстро же ты перестала жалеть его и защищать, – с осуждением сказала Даша.

– Ты так думаешь? Тем лучше! Надоели твои подозрения.

– И вообще, если у нас образовался здесь детектив, убийцей по правилам должен быть кто-то самый неприметный – к примеру, Пепита, – высказала предположение Чуб.

– Но это не детектив, – безрадостно сказала Акнир. – Если на то пошло, то у нас мистический триллер. Ты ведь слышала сегодня о сатанинских иконах. Они действительно ходят по Киеву. Человек, не подозревая о том, бьет поклоны Демону. И кое-кто верит, что через три года Демон приходит за ним.

– Ну, и?..

– Сатанинскую мадонну в Кирилловской церкви – Богоматерь с лицом Демона, с лицом моей матери – Врубель нарисовал как раз три года назад!

– И Демон пришел за ним?

Акнир не ответила. А в сознании Чуб выстроилась некая зыбкая логическая цепь:

«Сатанинскую мадонну в Кирилловской церкви...»

«Мама говорила, что он всю жизнь боялся попасть именно в киевский сумасшедший дом, в нашу Кирилловку».

«И нас, желтобилетниц злосчастных, тоже туда свозят».

Есть ли тут связь?

– Настоящая святая икона – для людей, как замочная скважина, сквозь которую ты можешь поговорить с Богом, – раздумчиво проговорила Акнир. – Но представь себе, что ты подходишь к двери, чтобы говорить с Богом, доверить ему свои желания, а за дверью на самом деле прячется черт... вот почему рисовать не ту дверь – по вашим меркам огромный грех.

– Я знаю, за это Врубель и был наказан Городом, и сумасшествием, и смертью ребенка.

– Но только ли за это? – с тревогой спросила веда. – Или у него были и другие грехи – пострашней?... сейчас мы узнаем.

Окруженный непрезентабельным дощатым забором с калиткой собор казался нахохлившимся и сонным, погруженным в многолетнюю дрему, – его строили уже двадцать лет, и еще десять лет ожидания предстояло ему до окончательного завершения.

Семь полукруглых куполов тонули во тьме пятого океана – потемневшего осеннего неба.

Калитка скрипнула.

– Кого там еще черті принесли? – всполошился сторож. Из рассказов Врубеля они знали, что его кличут Степаном.

– Спать! – приказала Акнир и, толкнув массивную дверь, убедилась, что сторож в вышитой свитке уже безмятежно кушает на стуле у входа.

Они беспрепятственно вошли в храм и сразу от двери свернули направо, в помещение будущей крестильни, служившее нынче мастерской всем художникам-соборянам, – у каждого был здесь свой уголок, где живописцы хранили одежду, краски, работы, мольберты.

И угол Врубеля сразу взглянул на них живым человеческим глазом – сильным, гипнотизирующим, заставившим ускорить шаг, перейти на бег, дабы как можно скорее рассмотреть полотно, стоящее рядом с мольбертом, и убедиться:

– Но это же наша Маша! – вскрикнула Чуб. – Он нарисовал Машу! Какая же она тут... землепотрясная! Вау!

– Это Богоматерь, – сухо сказала Акнир и добавила: – Потрясающе. Никакого сравнения с Кирилловской церковью.

Рыжеволосая нежнолицая Божья Матерь на полотне воплощала в себе и силу, и мягкость – любовь, доброту, бесконечное терпение и веру в спасение, которое коснется любого, как солнечный свет касается поутру всех людей. Хотелось протянуть к ней руки, прильнуть, уткнуться лбом в ее колени, попроситься в объятия. Богоматерь словно наполняла смотрящего на нее светом и силой, готовностью тянуться к небу – столь же естественно, как вздох наполняет легкие воздухом, как травы сами поднимаются к солнцу весной.

Лицо Богоматери было совершенным и совершенно законченным шедевром, в то время как фигуру младенца на ее руках художник только наметил углем.

– Неужели эти идиоты в Синоде могли отказаться от такой шикардосной работы? – возмущенно изумилась Землепотрясная Даша.

– Не могли... Это, может быть, лучшее, что он написал, – с недобрим восхищением сказала Акнир. – И лучшее, что он уничтожил.

– Как уничтожил? Когда?

– Не знаю. Но раз Маша, знающая творчество Врубеля от эскиза до наброска, не знает о собственном портрете – то он не сохранился.

– Мы должны сохранить его, должны показать Маше! – Чуб быстро засняла врубелевский шедевр на мобильный. –

Пусть знает, что он до сих пор любит ее. Ее, а не тебя!

– Ну, слава Великой Матери! Хоть теперь успокоишься, – Акнир брезгливо передернула плечами. – Все нормально, он по-прежнему любит твою распрекрасную Машу.

– Или нам нельзя Маше ни о чем говорить? – озадачилась Чуб, рассматривая на экране готовые снимки. – Ведь Маша теперь любит Мира. У них все почти наладилось... А тут мы с большим приветом от Врубеля. А старая любовь не ржавеет. Еще рванет сюда... Что же делать? Она только-только начала его забывать. И Мир ее любит и будет с ней, а Врубель уже никогда с ней не будет.

– А как же Машин сын? – возразила ведьма. – Ему нужен настоящий отец. Маша не станет, как моя мама, скрывать от ребенка имя папы. Это все равно нечестно, неправильно! Подумай, вдруг с ней что-то случится, как с моей матерью, и ребенок останется сиротой – полусиротой, как и я?.. Хоть мой отец, похоже, знать меня не желает.

– Пусть он сначала узнает, что он твой отец. А мы сначала узнаем, отец ли – а потом уж будем оценивать желания, – отрезала Чуб. – Но чё делать с Машей?

– А это еще что такое?

Неподалеку от врубелевского мольберта валялись крупные осколки керамики. Акнир поспешно опустилась на колени, попыталась сложить несколько фрагментов и без труда угадала название уничтоженной статуэтки.

– Это фигура Демона... того, которого он слепил с моей

матери, – к находке ведьма отнеслась крайне серьезно. – Он разбил его? И совсем недавно, раз осколки не успели убрать. Около часа назад, когда все художники уже ушли из собора... И час назад моей маме стало плохо. Так я и знала!

– Это всего лишь фигурка.

– Когда ведьма лепит фигурку человека и колет ее иглой, человек может умереть, – судя по лицу Акнир, в ней боролись два чувства: беспокойство за маму и искреннее нежелание обвинять Михаила Врубеля.

И в последнем Чуб готова была ее поддержать:

– Но Врубель – не ведьма!

– «Если однажды он напишет ваш портрет, а потом решит, что работа не слишком удачная... я не знаю, кого именно он уничтожит, вас или свое полотно», – повторила Акнир слова Сикорского. – Одного профессор не знал: Врубелю нет нужды никого убивать – ему достаточно уничтожить свое полотно!

– Но Врубель не ведьма, не колдун. А твоя мама – не человек. Сейчас она Киевица, а Киевицу невозможно убить.

– Только потому она и осталась жива. Если бы на ее месте был человек, он был бы мертв... И некоторые люди мертвы. И останки мертвых проституток до странности похожи на эти осколки...

– У Миши нет такой силы!

– Откуда ты знаешь? Ты спрашивала меня, пришел ли за Врубелем Демон? А если он не пришел, а вошел в него? Ведь

душа человека может стать Демоном и при жизни.

Акнир педантично собрала осколки фигурки в кучу и встала:

– Давай найдем Мишу.

Они покинули безмолвную крестильню и только теперь подняли головы вверх, чтоб оценить будущий Владимирский Патриарший – огромный, давящий, пустой.

Собор еще сиял то там, то тут чистыми стенами, шероховатыми, выкрашенными белилами со светлой охрой. Некоторые работы только прочертили черным углем, некоторые казались законченными, но разглядеть их было сложно – большую часть стен исчерчивали деревянные решетки строительных лесов.

Клетка лесов – вместо алтаря перед центральной апсидой, запах краски – вместо ладана, черновики на картонах – вместо икон, измазанные краской халаты художников, ветошь и ведра с краской – вместо кадил и шитых золотом парчовых одежд священнослужителей... Будущее монументальное творение еще лежало в набросках, эскизах и казалось

весьма пугающим местом. То там, то тут сквозь деревянные клетки за ними подглядывают глаза ангелов, святых и пророков, – то ли заманивая их в свой сказочный страшный лабиринт, то ли решая, стоит ли им самим появляться на свет в этом странном и стремном месте.

– Не знаю, чего Маша так любит Владимирский? – осматриваясь по сторонам, сказала Чуб. – Муторно здесь. В Киеве всегда говорили, что этот собор – плохое место, его построили на старом кладбище.

– А ты в курсе, что ночью на Деды нужно сесть на кладбище у родной могилы – тогда в полночь ты сможешь увидеть весь свой род? – казалось бы, не кстати спросила Акнир.

– Думаешь, мы увидим здесь свой род? – Чуб неуверенно оглянулась.

– Вряд ли, ведь Владимирский стоит не на кладбище – это городская байка.

– А нам не станет плохо в соборе, мы же ведьмы?

– Он еще не освящен, не достроен. Как собора его еще нет.

Даша посмотрела на главный вход – там, где в их времени царил Страшный суд и взвешивал души любимец Маши архангел Михаил. Но стены над входом были девственно чистыми. Лишь с верхнего барабана, опустив руки, на них глядел белокудрый Бог Отец, еще не имевший силы прогнать двух залетных ведьм из места, не ставшего покуда святым.

Чуб прошла по левому приделу и остановилась, разглядывая золотые павлиньи перья орнамента, созданные рукой

Михаила Врубеля (в итоге их бедному гениальному Мише разрешили писать только орнаменты в арках храма!), дошла до будущего алтаря:

– А вот это мне нравится!..

Рядом с «Судом Пилата», вдохновившим, возможно, Михаила Булгакова на известные сцены романа, поместилась темная фреска – одинокий коленопреклоненный Иисус в белой одежде и плаще цвета запекшейся крови. Голова Спасителя была опущена, глаза прикрыты, как во время молитвы, губы казались всезнающими и скорбными.

– погоди, погоди... дай мне рисунок Врубеля, – едва не вскрикнула Чуб.

Акнир достала из любимой гобеленовой сумочки свиток рисунка. Даша развернула и, быстро придирчиво сверив карандашный набросок с изображением на стене, неприязненно выпятила нижнюю губу – неприязнь относилась к новой зародившейся мысли:

– Этот, на коленях, не просто мужик с бородой... это же сам Иисус! Христос!

– Да, похоже, ты угадала, – вгляделась во врубелевский набросок Акнир.

– Это Иисус! Ты не понимаешь? Христос на рисунке молится Врубелю как Богу! Бог стоит на коленях перед ним. Он нарисовал Христа... – она закончил шепотом, – на коленях перед собой... Ой, лучше бы он был голубой. Это еще хуже. Это уже сатанизм какой-то!

Она замолчала, тщетно пытаясь отыскать для него оправдание. Или хотя бы объяснение!..

Вот вам и сатанинские иконы! На лицевой стороне – Бог, на тыльной – черт-демон. Изобразив с главной ведьмы Города Кылыны одновременно и Богоматерь, и Демона, Врубель, по сути, написал то же самое. Но тогда он не знал, кто такая Киевица Кылына, принимал ее за другую даму... теперь...

Ведь даже на самых мерзких сатанинских образах Иисуса Христа не изображали стоящим на коленях пред... кем?

«Возможно, он не пришел, а вошел в него. Душа может стать Демоном еще при жизни...»

– Что же с ним происходит? Что-то ужасное... – подавлено сказала Чуб.

– ...если уж он смог довести до полусмерти мою мать, – завершила Акнир.

В растерянности и сомнениях, которые сама Чуб скорее обозвала бы полной разорванностью, она еще раз посмотрела на кощунственный рисунок, затем снова на стену – настенный Христос почему-то успокаивал ее.

– А что это за сюжет, не знаешь?

– Вопрос не по адресу, – ответила веда, одинаково недружелюбно косившаяся на всех окруживших ее святых.

– «Христос в Гефсиманском саду. Моление о чаше», – раздался голос прямо с небес. В пустом темном соборе он прозвучал торжественно-гулко. – Еще до предательства Иуды и распятия, сын божий молит своего небесного Отца:

«Да минует меня чаша сия!..» Он просит избавить его от горькой участи.

– Вы кто? Где? – попятилась и завертелась Землепотрясная Даша.

– Свыше, – ответил гулкий и инфернальный глас.

– Бог... это же точно не ты? – на всякий случай поинтересовалась она.

Ответом был смех.

– И не святой Николай?

Смех прошел по храму раскатом.

– И не Кузьма и Демьян?

Хохот стал неудержимым.

– Кто ты уже, господибожемой?! – раздраженно взрыкнула Чуб.

– Не Господи, а всего лишь его покорный слуга, – с лесов свесилась кудрявая светлая голова. – Вильгельм Александрович Котарбинский. С кем имею честь вести богословскую беседу?.. Не поздновато ли для таких многолюдных собраний?

Они переглянулись, оценивая свое странноватое многолюдие на двоих.

– Он что-то видит, – внезапно осенило Дашу. – Это же Котарбинский, у него даже жена привидение, – произнесла она тихо и прибавила, повышая голос: – Мы к Мише, он просил нас зайти... Не знаете, где он?

– Ах, к Михал Александровичу. Он вышел в соседний

трактир за едой. Вам стоит подождать его.

– А это ваша работа? – Даша снова посмотрела на Христа в Гефсиманском саду. – Небесненько! Лично мне – очень и очень!..

– Рад, что она вам приглянулась.

– Выходит, Христос знал свое будущее?

– Несомненно.

– И Врубель тоже видел будущее. Что если Третий Провал показал ему все его будущие страдания? – высказала ужасное предположение Даша.

– Что-что? – переспросил Котарбинский со своих деревянных небес.

– Врубель как Христос в саду...

– Вы тоже слышали эту историю? Прахов все не успокоится...

– Какую историю? О Мишином отце?

– Нет, о Врубеле и Христе.

– Расскажите! Можно к вам подняться?

– А вы не боитесь высоты?

– Высоты? – засмеялась Даша. – Вы, видно, не знаете кто мы. Приходите к нам завтра на выступление в цирк.

По подрагивающим грубо сколоченным лестницам они взобрались под потолок над хорами. Мужчина в широкой синей блузе с мольбертом и кистью в руках встретил их галантным поклоном. Он был еще молод, лет на двадцать моложе, чем в их предыдущую встречу, и как-то изысканно, патриар-

хально красив – со светлыми, слегка выющимися пшеничными волосами, изящной нежной бородкой и обходительными, обволакивающими тебя мягкой приязнью манерами.

– Так вы те самые небесные mademoiselle, о которых нам рассказывал Михаил Александрович, – одарил он их лучезарной улыбкой. – Счастлив знакомству!

– Взаимно. Я – Коко, а это – Мими, моя младшая сестра. А ваш Иисус очень классный, – еще раз похвалила Даша. – От него как-то спокойно. А вот другие святые здесь... бр-р-р-р!..

Тут, на вышине, освещенной светом нескольких керосиновых ламп, окруженные охрово-золотыми орнаментами грозовые глаза святых, похожие на гнезда будущих молний, стали еще огромней и ближе. И вместе с ними к Чуб словно приблизилась неумолимая расплата – тот самый обещанный Мистрисс ад, о коем она старалась забыть.

– Митрополит Иоанникий тоже однажды сказал, что «не желал бы встретиться с васнецовскими пророками в темном лесу», – усмехнулся Вильгельм Котарбинский. – И все оттого, что святые Васнецова не выхолощенные, не бестелесные, как на иконах, они настоящие, подлинные – такие, какими были в те давние, древние времена.

– Откуда вы знаете?

– Знаю, – сказал он кротко и кратко.

– Понятно, – Чуб нравился кучерявый красавец. – А это что? – указала она на потолок, над которым трудился худож-

ник. Уже готовый рисунок был частично замазан краской.

– «Пятый день творения».

– А зачем вы закрашиваете его? Плохо получился? – не мудрствуя лукаво, Даша улеглась прямо на голые доски лосов и подложила руки под голову, желая насладиться работой с максимальным удобством.

Написанный на потолке хоров седовласый белобородый старик сидел на берегу моря, его босые ноги окутывали волны, с небес к нему слетались стаями птицы – были тут и павлин, и белая сова, и черный ворон...

Чуб не знала, что морских тварей и птиц небесных Господь создал на пятый день творения, и увиденное вызвало у нее совершенно иную ассоциацию – дни мертвых, Бабы-да-Деды, когда души приходят к нам через воды в виде тумана, слетаются в город стаями птиц, стучатся в дом в облике седых стариков.

И еще внимание привлекло одинокое дерево на дальних скалах... неужели рябина, вся в красных ягодах?

– Это работа Михаила Александровича, – сказал Котарбинский. – Синод не утвердил ее. Велели переписать. Мне позволили оставить лишь фон.

– Почему ваша церковь уничтожает все, что он делает? – с лицом фанатички спросила Акнир, заставив Дашу вновь заподозрить ее в чрезмерной пристрастности.

– То не моя воля, – с грустью отозвался художник. – Не я распоряжаюсь в соборе. Но куда печальнее то, что Миха-

ил Александрович и сам занимается истреблением собственных работ. Взять хоть того же «Христа в Гефсиманском саду».

– Так расскажите же! – в нетерпении повторила просьбу Даша, устраиваясь поудобнее.

– Это не тайна. История по сей день у всех на устах. Михаил Александрович долго не появлялся в соборе и, обеспокоившись, Прахов с Васнецовым решили проведать его. Пришли в меблирашки, где он жил тогда, видят – дверь открыта, Врубель спит на кровати, а рядом на мольберте стоит картина «Христос в Гефсиманском саду». Работа, по утверждению Васнецова, была невозможно прекрасна, полна такой жизни, такого настроения, и боли, и любви, и счастья одновременно... Вот отчего он, выходит, пропадал целыми днями – писал, закрывшись от всех, Иисуса Христа! И в несколько дней кончил вещь. Лишь один нижний угол остался незавершенным, намеченным углем. Хотел бы я взглянуть на ту работу, – вздохнул Котарбинский. – Картина была чрезвычайно интересна... нет, мало: то был настоящий, неподдельный шедевр! Позже Васнецов говорил: эта вещь Врубеля точно жила своей жизнью.

– Отчего же тогда ее не взяли во Владимирский собор как эскиз, почему вы все его работы бракуете? Что за отмазка, мол, для Врубеля нужно делать отдельный собор, слишком его работы выбиваются? Почему в Кирилловской они не выбивались, а тут выбиваются? – наехала на Котарбинского Да-

ша, хоть он был, вероятно, последним, кого следовало обвинять в карьерных ухабах и кочках Михаила Александровича Врубеля.

— Потому и выбиваются, что он, возможно, гениальнее нас всех, — мягко сказал Вильгельм Котарбинский. — Он сильный и оригинальный творец, хоть сам мало понимает свое положение. И дар его так явно и полно проступил уже после завершения работ в Кирилловской церкви, расцвел во всем многообразии эстетических чувствований как дикий экзотический цветок и теперь поражает и пугает всех нас своими невиданной формой и цветом... Лишь бы этот дар не принес ему слишком много боли, и он создал нечто действительно достойное его богатых сил. Ведь несомненно и то, что тема Бога не дается ему...

— Разве «Христос в саду» был неудачным? Или та Богоматерь в крестильне?

— Удастся, да не дается, — со значением сказал пшенично-волосый художник. — Точно какое-то противоречие, какая-то борьба идет внутри него, и сам он не властен над ней. Когда сегодня утром Виктор Михайлович Васнецов увидел написанную Врубелем Богоматерь, у него аж глаза загорелись... Васнецов побежал к Прахову, сказал, что завтра приведет всех смотреть это чудо, говорил, что после «Христа в саду» Михаил Александрович еще не создавал подобного... А Виктор Михайлович знает толк в подобной живописи. Он оценил «Моление о чаше» едва ли не выше всех соб-

ственных работ. Настолько, что вместе с Праховым тут же поехал к коллекционеру Терещенко, и убедил его купить работу Врубеля аж за триста рублей... Михаила Александровича попросили лишь закончить левый угол. Но вышло не очень складно – на следующий день Христос исчез.

– Как исчез? Куда? – Даша аж села от изумления.

– Поверх него Врубель написал какую-то циркачку на лошади.

– Анну Гаппе?

– Замазать Христа ради циркачки!.. – покачал пшеничной головой Котарбинский. – Прахов рассказывал, до этого, поверх «Райского сада Адама и Евы» Врубель тоже написал ту же цирковую наездницу.

– Я никогда не пойму, что он нашел в этой Анне Гаппе! – развела руками Даша. – Уму непостижимо!

– И это не единственный случай. Врубель не бережет свои работы. Уничтожив «Моление о чаше», он сказал, что у него просто не было другого холста, а на него снизошло вдохновение.

– Так, может, купить ему побольше холстов? – предложила Чуб. – А вы не в курсе, где эти картины с Гаппе? Кто-то купил их?

– Мне об этом ничего не известно.

– Ведь, в конце концов, можно было снять верхний слой и вернуть Иисуса! – не унималась Даша. – Так сейчас делают.

– Вы думаете? А вы? – Котарбинский посмотрел на пустое

место между Дашей и Акнир. – Я вижу, вам наша беседа кажется чрезвычайно скучной, – художник обращался не к Кoko и не к Мими.

Не сговариваясь, «сестры» посмотрели на порожнее место меж ними.

– Вы лучше спросите, как ее имя, – вкрадчиво предложила юная веда.

– Надеюсь, хоть не Параскева? – недружелюбно прибавила Чуб.

– Как ваше имя? – обратился к пустому месту Вильгельм Котарбинский. – О, это очень красивое имя – Мария... как у Богоматери. А как вас величать? – художник посмотрел вниз на пустые напольные плиты собора. – Не желаете отвечать? Они все пришли с вами?

– Наверное, – сказала Акнир. – Только мы их не видим. Они – привидения.

– Опять...

– Такие уж дни, – примирительно улыбнулась ведьма.

– Такие уж дни, – спокойно повторил Котарбинский.

– А глубокоуважаемая Мария... – Чуб подбадривающе шлепнула ладонью пустое место и отдернула руку, почувствовав нестерпимую пустоту внутри живота.

Пустота, а вовсе не холод – была главным признаком присутствия покойников рядом. Но наука Акнир не прошла зря. Первое правило Баббóв – не обижать мертвых душечек! Преодолевая себя, Чуб вернула руку на место, сунула ее в ужа-

сающую, вызывающую дрожь пустоту и даже дружески хлопала ее по гипотетическому плечу:

– Как она выглядит? Откуда она и давно ли с нами?

– О, она весьма красива... молода... чрезвычайно эффективна! – с явным мужским интересом изучил пустоту Вильгельм Александрович. – У нее длинные черные волосы.

– До пояса?

– Даже ниже.

– А спросите, она была с нами в Одессе?

– Она не знает места своего нахождения, – после паузы ответил он. – Такое часто бывает с усопшими, – мягко пояснил художник. – Вся география для них пустой звук. Они перемещаются из города в город с той же легкостью, с какой мы переходим из комнаты в комнату.

Чуб помолчала, не зная, как затронуть самую неприятную тему.

– А ее отец... он обижал ее? – нашла максимально нейтральную формулировку она.

– Да, обижал, – почти сразу кивнул Вильгельм Котарбинский.

И Чуб более не сомневалась: пред ней русалка из Анатомического театра!

Логично, наверное, что она увязалась за Коко и Мими. Помимо собственных предков, ведьма по несколько раз в день призывала «тех, кто не видит свой дом». И вряд ли отец, доведший побоями дочь до самоубийства, стал бы кормить

ее многострадальную душу. Даже церковь отказывалась отпевать самоубийц... Куда еще было податься горемычной злосчастной душечке?

– Мария говорит, что с ней вместе за вами ходил еще один человек... бывший человек. Но его тут больше нет... он разочаровал некую Мистрисс.

– Вот тебе новость! – вскинулась Чуб. – Вот какого Жана она поставила следить за нами и Врубелем. Ей вовсе не нужен шпион из плоти и крови!

Она разглагольствовала, не опасаясь присутствия художника, – невесть почему с Котарбинским ей было очень легко и, казалось, говорить при нем можно все, свободно, естественно – он все поймет, а если и расскажет кому... ему все равно никогда не поверят!

– А уважаемая Мария не знает случайно, кто швырнул в меня нож?

– Нож? Вот так страсти, – Вильгельм Котарбинский снова вслушался в много говорящую ему одному тишину. – Мария говорит, что она всеми силами пыталась воспрепятствовать ему... но у нее недостаточно сил.

Даша кивнула: понятно, почему нож без труда прошел сквозь бестелесную руку душечки – все становилось на свои места!

– Она говорит, – волнение невидимой Марии все отчетливей слышалось в голосе добросердечного художника, – что он очень опасен. Он – сама Тьма. Он ловит тех, кто ходит

во Тьме.

– Кто он? Демон Уго? – спросила Чуб. – Или другой Демон? Или Джек?

– Мария просит меня передать сообщение некоей девице по имени Дарья.

– Это я, мое настоящее имя, – еще раз представилась Чуб.

– Она говорит, вам угрожает опасность. Тьма прячется не только на улице. Вы встретитесь с Ней. Говорит: «Не хочешь встретиться с Тьмой, не заходи в дом, где танцуют призраки...»

– В какой еще дом? Не понимаю.

– Она замолчала, – выждав время, сказал Котарбинский. – Я больше не слышу ее. И, кажется, в крестильне уже горит свет, – заметил он. – Михаил Александрович вернулся.

– Спасибо вам, мы рады знакомству, – Даша встала. Она не лгала: знакомство вышло на редкость приятным. – Обязательно приходите к нам в цирк! Обещайте мне, что непременно придете! – попросила она и немедленно получила улыбчивый и утвердительный кивок в ответ.

Они спустились с церковных небес на каменный пол. Сторож Степан все так же негромко похрапывал у двери. Наверху тихо подрагивали доски под шагами Вильгельма Котарбинского. Но Даше показалась, что теперь ее ухо различает и другие – инородные звуки. Души покойных шуршат в храме как мыши.

Сколько же их ходит за ними сейчас?

«Ирина, Марина, Анна, Иоанна, Катрина, Дана, Милана...» Но Акнир утверждала, что предки не приходят к ней в гости. Может, это мои бабушки?

Ведьма тем временем достала мобильный, зашла в Интернет и внимательно изучила какую-то статью.

– Ну, слава Богу! – Чуб эмоционально перекрестилась на ближайшую стену (случайно иль нет, на ней была нарисована святая Ирина с четками в белых руках?) – веда нервно отпрянула от ее крестного знамения, точно ее окатили холодной водой. – Теперь я знаю, кто был той тенью без тела... Она! – Чуб на всякий случай показала пальцем на все четыре стороны сразу. – Мария... как богоматерь. И, кстати, о Богоматери и Марии, я приняла решение! Я заберу у Миши портрет и отнесу его Маше. Как раз на день рождения путного ей ничего не дарила.

– Поторопись тогда, – Акнир постучала пальцем по экрану мобильного. – Я прочла, на Маше он тоже нарисует циркачку верхом на коне.

– Ты чё? В Инете прочла? Покажи мне картину...

– Она не сохранилась. Только история об Анне Гаппе.

– Я ничего не понимаю! – Даша аж топнула ногой. – Ведь не влюблен он в нее! Он сам нам сказал... в чем же дело, чего он к ней так прикопался? И куда потом делась картина? Даже три – на Христе, на Богоматери, на Адаме и Еве. Куда, извините, исчезли аж три Анны Гаппе? Испарились? Их выбросили на помойку? Миф какой-то, а не картина. А вдруг так и есть? Уж я знаю людей искусства, они всегда все перевирают, им намного важнее классный анекдот за столом рассказать. Один раз Миша написал сверху циркачку, оттого что не было другого холста, а потом каждый художник принялся пересказывать эту байку на свой лад!

– Да уж, пришла пора задать Врубелью много вопросов. – Акнир двинулась в сторону крестильни.

– И я уверена, он ответит на все. Чур, я первая! – Даша первой вбежала во временную мастерскую.

– Мими! – Врубель бросился к ним. – Мими, ты тут... ты невинна! И ты, Коко... Я счастлив... Мими, ты пришла!

Вид у него был истерзанный, мятый и совершенно боль-

ной: покрасневшие глаза, лихорадочные рваные жесты, горячность во взгляде.

Нынешним вечером он перещеголял экстравагантностью костюма даже себя самого – на шее художника вместо галстука был повязан женский чулок из венецианского кружева. Чулок Прекрасной Дамы... Только какой из них?

– Ты знал Елену и Ирку Косую? – Чуб ткнула в грудь художника указательный палец как пистолет. – Проституток, они стояли у цирка.

– Да. Да... я дал им немного денег. Шуман как раз заплатил за эскизы... а у них был такой печальный, мучительный взгляд... совсем без надежды...

– Ты рисовал Ирку?

– Не помню, – Врубель послушно достал из внутреннего кармана своего сюртука обтянутый тканью истасканный маленький альбомчик, который он носил постоянно с собой. – У нее были прелестные руки... такие изящные и страдающие... Кажется, я портретировал ее.

Он стал перелистывать страницы, и Даша, собиравшаяся спросить заодно и про «прекрасную Нину», притормозила, увидев своими глазами карандашные наброски «натуральной графини», неповторимую фигуру бородатой Пепиты, Анну Гаппе верхом на Зизи, акробатку Марсель и небезызвестную даму под густой длинной вуалью.

– Что это? – Акнир бесцеремонно вырвала альбомчик из рук художника. – Ты видел эту женщину в цирке? Вы гово-

рили с ней?

– Не помню. Возможно.

– Ты узнал ее?

– А должен был?..

– Говори нам прямо, что у тебя с Анной Гаппе? – грозно спросила Акнир.

– Ты ревнуешь?.. как мило, – он устало засмеялся. – Анна невероятно прекрасна и, когда я смотрю на нее, моя душа хоть на миг обретает покой. Она одна приносит мне успокоение. И не она даже, эта добронравная женственная женщина, она напоминает... я не могу рассказать тебе всех в высшей степени романтических и трагичных моментов... но однажды я встретил ее, и никогда еще выбор не ложился передо мной столь явственно... Она была моим спасением! Должна была стать им... могла спасти... должна была спасти меня... обещала спасти... но не спасла, – сказал он безнадежно. – Анна чем-то похожа на нее... чем-то похожа... И, когда я смотрю на нее, мне кажется, счастье еще может вернуться ко мне.

Чуб поначалу показалось, что Врубель говорит о Маше, но, мысленно представив Анну Гаппе, черноволосую, крепкую, она покачала головой – никакого сходства с худенькой рыжей Машкой не было и в помине.

– И ты тоже чем-то похожа на нее, Мимимишечка... особенно сейчас, – обратился Врубель к Акнир.

Уж тут-то сомнений быть не могло. Акнир могла походить только на мать!

– Где ты был все это время? – сурово спросила ведьма.

– В Провале... – Врубель взял тонкие руки Акнир и покаянно положил свой лоб в ее ладони. – Я видел будущее.

– Будущее... – эхом повторила Чуб.

– Я видел ад, – обиженно-жалобно сказал он.

И Даша Чуб занемела, провидев за истертой фигурой речи – истину. Если Провалля отправляет нас в будущее, а в будущем всех ждет рай или ад, можно ведь провалиться прямо туда! Побывать в персональном аду и вернуться обратно!

Если Миша побывал в собственном пекле, не мудрено, что он спрыгнул с ума!

«И я тоже была в аду... в своем... в Провалле!»

– Я всегда говорил, что Демон – означает душа. Я желал выразить в своем Демоне то многое, сильное, даже возвышенное в каждом человеке, что люди считают долгом повергать из-за христианских идей! – заговорил Врубель. – Но я глубоко ошибался в своем призвании. Я единственный человечешко в мире, который проявил столько злых и нечестных мечтаний... Моя душа – это Демон. Демон – это моя душа... Она всегда будет стремиться к нему, стремиться слиться с ним, как Тамара. И Христос будет плакать обо мне. И никто не сможет помочь мне! – внезапно перешел он на крик.

Он, несомненно, был в духе – точно действительно дух его Демона вселился в это невысокое хрупкое тело, в покрасневшие глаза, в красивые тонкие и нервные руки.

– Я закончу жизнь в аду клиники... но не в том беда. По-

сле смерти я попаду в настоящий ад. Я видел это... я видел свой ад... остаток жизни я должен обречь на телесные страдания, на изкупительные упражнения... Но я ничего не смогу изменить. Я сделал нечто ужасное... нечто ужасное... я стал убийцей!

Чуб подошла к картине на мольберте и болезненно вскрикнула:

– Ты убил Машку!..

Богоматери с Машиным лицом больше не было – вместо нее благоухал свежими красками холст с циркачкой на белом коне.

Было непонятно, как можно так быстро записать одну картину другой. Но эта непонятность была неважной, другая – немыслимая заслонила все прочее.

– Но это же не Анна Гаппе! Это ты... – вскричала Даша, тыча пальцем в Акнир. – Ты верхом на коне!

– Я и на коня-то в цирке никогда не садилась, – ведьма безуспешно попыталась вырвать свои ладошки из рук художника – Врубель силой удерживал их.

– Мими... моя любимая... мы должны сказать всем правду... сказать, кто мы друг для друга... не лги ей... Коко тоже должна это знать...

– Миша, не надо, – взмолилась Акнир.

– Предательница! Шлюха!

Чуб с размаху ударила ведьму по щеке.

Акнир дернулась, отшатнулась и почувствовала, что летит

в безысходную пропасть...

Она точно провалилась в глубокую яму, а затем еще в одну, и еще в одну. Провалы походили на приступы рвоты, когда тело сводит, потом выворачивает наизнанку, когда живешь от толчка к толчку и не контролируешь ничего, точно несешься по волнам горной реки и бьешься о камни – мгновения бездумной бессмысленности и бессилия между новыми схватками страданий.

А когда тошнота провалов отпустила, она увидела себя стоящей посреди коридора в печальном и желтом здании, увидела Врубеля, старого, худого, почти беззубого, слепого старика в грязной измятой рубашке, его тащили санитары, он корчился и кричал, тараша незрячие страшные рыбы глаза.

– Нет... нет... я – бог. Я – Иисус... Я – Христос!!!

«Он нарисовал Христа на коленях перед собой... Это сатанизм...» – зашептала ей в ухо Землепотрясная Даша.

Врубель не мог протянуть руки к Акнир, но он тянулся к ней слепым взглядом, всем своим естеством, молил о помощи и кричал:

– Я Иисус... Помоги, помоги... я во Тьме... меня нет...

Она подалась к нему, но жуткий коридор психушки исчез.

Ведьма стояла в пустом Владимирском соборе, а поодаль, рядом с будущим алтарем возвышалась громадная фигура. Страшно высокая и худая женщина в синем платье Богоматери. Спина женщины была полусогнута, вздыблена, как у

кошки, огромные черные глаза смотрели прямо на Акнир жутким, немигающим взглядом, ее рот открылся, ощерился длинными острыми волчьими зубами.

Женщина сделала шаг к ней.

Ведьма похолодела...

Женщина подняла руки и хищно согнула пальцы с длинными черными острыми когтями...

И веда знала, что силы этих медвежьих когтей достаточно, чтобы разорвать ее в клочья!

Женщина была огромна, как колонна, подпиравшая собор, и неумолима, как бог-потрошитель, обрекший всех грешников на страдания в аду.

– Ведьма! – крикнула женщина.

И бросилась на нее – с ужасающим криком Акнир выбежала из храма и увидела, что на улице день, ослепительный, солнечный, осенний... Но день этот чернее любой темной ночи, словно самый ужасающий, самый мучительный страх, который ей так и не удалось преодолеть до конца, восстал как мертвецы из могил, как отверженные духи из ада.

Ее мать лежала на ступеньках подобно большой сломанной кукле. Черный парик валялся рядом с прищипленной к нему маленькой шляпкой, светлые золотистые волосы разметались по серым ступенькам... оторванная черная вуаль дрожала и билась на ветке соседнего дерева, как траурный креп во время похоронной процессии... клетчатое платье задралось, и были видны черные чулки, подвязки, беззащит-

ная белая полоска кожи.

Все вокруг было залито кровью – серые ступени Божьего храма стали красными. Все тело Кылыны кровоточило.

Оно не было разрезано – и ее горло, и чрево, и то, что еще недавно таилось в нем, а теперь лежало вокруг, было разорвано длинными хищными зубами.

Глава девятая, в которой мы узнаем, откуда в Киеве появились провалы

Отпрянув от ее удара, Акнир выскочила из крестильни. Опалив Дашу полным ненависти и непонимания взглядом, Врубель помчался за своей милой Мими.

Даша застопорилась лишь на секунду, прежде чем побежала за ними, и как назло наткнулась на спящего сторожа Степаныча, всполошившегося, точно согнанный с насеста петух:

– Стоять... кто такая?.. велено не пущать...

– Я выйти хочу!

– И не выпускать!

Оттолкнув его, Даша выскочила на улицу, громко хлопнув деревянной калиткой в заборе, побежала вниз по бульвару – ей показалось, что там, на углу с улицей Пирогова, мелькнула и пропала в клочьях тумана невысокая фигура Акнир. Но, когда две минуты спустя она добралась до угла, вокруг не было ни единой души.

Чуб остановилась перевести дух. Мимо на всех парах промчался лихач в лаковой пролетке. Залаяла собака. Вновь стало тихо. Она стояла, оглядываясь, надеясь поймать хоть тень тени Акнир.

А потом услышала песню:

Ой, той, що згубив мене, той, що згубив...

Анатомический театр располагался совсем рядом, доста-

точно было пройти короткую Больничную улицу, свернуть направо и сделать пару шагов по Фундуклеевской... Но она стояла, прислушиваясь, пытаясь понять, стоит ли довериться слуху, или тревожная память играет с ней недобрую шутку?

Ой, той, що згубив мене, той, що згубив... –

манила ее неразгаданная загадка, неназванная тайна, оставшаяся после посещения анатомички.

Бедная темноволосая Мария, ходившая за ними по пятам...

Песня оборвалась. Где-то на Фундуклеевской громко испуганно вскрикнула женщина.

Акнир?

Даша почти побежала в сторону театра.

Здесь еще горели неяркие газовые фонари. Но все окна домов уже были темны, прикрыты шторами, ставнями, все магазины, кофейни, трактиры заперты на ночь – все добропорядочные киевляне давно отошли ко сну. Откуда же доносилась эта странная музыка?

Грустная малороссийская песня сменилась нервным, надрывным гопачком... душу Даше резанул смычок скрипки.

Выкрашенный желтой николаевской краской мертвый анатомический театр не был мертв – быстрый огонь пронесся за темными стеклами.

На первом этаже, там, где располагалась трупарня, в окне

мелькнуло расплывчатое белое пятно – чье-то лицо? За ним второе и третье...

*«Там, помню, пузач один лежит... скрипач один преста-
вился, музыкантишка».*

Абсолютный музыкальный слух выпускницы Глиэра вновь уловил скрипку – невыносимый, разудалый мотивчик... музыка была все слышней.

– Что это? – с ужасом спросил Дашу Чуб голос сзади.

Прямо за ней, обронив нижнюю челюсть, стоял бледный усатый городской с тяжелою саблею на боку.

– Что это? – повторил он.

«...праздник сегодня большой.

...Хэллоуин?»

– Это же там... там, где студенты людей режут. Ага? – то-
ненько спросил представитель закона.

– Ага, – отозвалась Даша. И словно со стороны услышала свой испуганный голос.

В тот же миг одинокий звук скрипки оборвался – нет, разорвался на сотни звуков – немыслимых, диких и невозможных, точно сотня мертвецов одновременно встала с оцинкованных столов, вылезла подобно червям из узких убогих дыр ледника и принялась отплясывать тропаря, отбивая голыми пятками о холодный покрытый плитами пол. Десятки необъяснимых огней замечались за мертвыми окнами.

Снова раздался испуганный женский крик – Даша подняла голову, в доме над ней, в открытом окне на втором этаже

стояла старая женщина в белом чепце и, в ужасе раззявив рот, наблюдала «пляску смерти» напротив. Старуха тыкала высохшим пальцем в окна второго этажа страшного театра...

И Даша увидела ЕЕ.

Бледную русалку с изуродованным кровоподтеками телом. Бледная фигура стояла у окна и явственно манила Дашу рукой.

Ой, той, що згубив мене, той, що згубив...

Скрипка мертвого музыканта подыгрывала ей.

Рядом с «русалкой» возникла вторая ипостась... и Даша вспомнила офицера с ужасающей раной на бледном виске, с красивым лицом, почти совершенным, и совершенно мертвым телом. Вспомнила так ясно, что захотелось подойти к нему, утешить...

А вдруг это он? Тот, второй. Он тоже ходил за ней... и шептал:

«...я во Тьме... как и ты... как и ты...»

Вдруг манящую черноволосую «русалку» и нужно бояться. Русалки, они, никому никогда не помогают – только заманивают в болото... заманивают ведьм прямо в ад?

Иначе, почему ей, бывавшей на самых разгульных шабашах, стало так страшно?

Кто-то со смехом пробежал с факелом по второму этажу театра, кометой промчался за темными окнами. Белая раз-

мытая фигура манила Дашу все отчаянней, пятки покойных стучали все громче, мазурка сменила трепак.

На противоположной от «анатомички» стороне уже собралась небольшая толпа разбуженных шумом, перепуганных вусмерть киевских обывателей, поднятых среди ночи адскими звуками прямо с постелей.

– Мертвецы пляшут! – прошамкал какой-то старик в старом ночном колпаке и заштопанном на обоих локтях халате. В неверном свете фонарей он, сухой и прозрачный, с черными провалами глаз, сам казался мертвым, восставшим из могилы.

– Не-е, ведьмы... – возразил тощий усач.

– ...упыри!

– Черти проклятые!

Несмотря на дьявольские звуки мазурки, песня не унималась:

Ой, той, що згубив мене, той, що згубив
Вийди ніччю в садочок...

Русалка все манила и манила Дашу...

«Не хочешь встретиться с Тьмой, не заходи в дом, где танцуют призраки...»

Чуб прищурилась, невольно оскалила зубы как зверь и отступила на шаг, чувствуя болезненную акупунктуру страха на коже. Отшатнулась и побежала, помчалась со всех ног

прочь, по Фундуклеевской, туда, где впереди маячило здание другого – нормального Городского театра, и, проскочив метров сто, снова увидела его...

Золотое окно, горевшее прямо в туманном небе! Даша вдруг поняла: окно горит именно там, где должна быть их Башня, еще не построенная Башня Киевиц, светившая ей сквозь столетия, словно маяк.

Город звал ее домой.

И она всем сердцем устремилась на зов, в их розовый дом-замок на Ярославовом Валу, 1 – мечтая зайти в круглую комнату Башни, в такой знакомый, родной, уютный Провал, куда не в силах попасть без их приглашения ни один посторонний, найти там Машу, такую похожую на созданную и уничтоженную Врубелем Богоматерь, Машу, одним своим присутствием наполняющую тебя тихим покоем и светом.

– Я хочу туда... хочу туда... хочу туда! – сказала средняя из Трех Киевиц.

Даша Чуб не умела щелкать пальцами, меняя день, век и час... но, видимо, отчаяние, бесприютность и страх, охвативший ее, были слишком сильны, она почувствовала, как тьма отступила.

Электрическая ночь XXI века была ярче дня, дома подросли на семь этажей, заслонив золотое окно Киевиц, у подъезда Оперного театра стояли дорогие машины.

– У-у-у-... – набросился на Чуб молодой человек в белой маске маньяка из фильма «Крик». Он держал за руку худого

вампира с выдающимися верхними зубами из пластмассы.

Она была в своем настоящем времени – и угодила, похоже, прямо в Хэллоуин. В освещенных витринах магазинов горели электрические тыквы. К вампиру и маньяку бежала через дорогу молоденькая ведьма с метлой синтетического оранжевого цвета.

– Ух ты, – похвалила она Дашин костюм. – Классный стим-панк. Молодца! Ты тоже к нам на съемку?.. Слыхала, нас на «плюсах» на Хэллоуин покажут!

– А какое сегодня число?

– 27 октября.

«Еще только Первая Параскева...»

В Настоящем время стояло, и, отлучившись в Прошлое больш, чем на неделю, она вернулась домой в тот же вечер.

– Так ты с нами?

Проигнорировав вопрос потенциальной коллеги с оранжевой метлой, Чуб подобрала подол и помчалась по Лысенко вверх – туда, где ждало ее золотое окно безопасной Башни.

– И сапожки стимпанковские, такие крутые. На eбай такие не меньше двухсот баксов стоят, – проводила ее завистливым взглядом «ведьма».

*27 октября по новому стилю,
первый праздник Параскевы Пятницы –
светлой Макошь*

Стоило Даше произнести написанное на стоптанном мраморном пороге слово «Salve» и, перешагнув порог, оказаться в другом измерении Первого Провала, перед взором ее предстало непонятное зрелище.

На всех четырех маршах готической лестницы замка выстроилась длинная очередь ведьм и ведаков, большинство было в вышитой народной одежде, иные во вполне обычном casual, некоторые, судя по костюмам, как и Даша, пришли из других столетий – молодые и старые, женщины и мужчины, местные и иностранцы, стрекочущие что-то на своих языках, все они держали в руках сундуки и корзины, плетеные бутылки, горшки, букеты сухих цветов и банки с человеческими черепами.

Поднимаясь по лестнице, Даша ловила на себе жгучие любопытные взгляды и обрывки историй.

– ...я аж до XVII века дошла... в святое озеро... Его давно уже нет, слепые все изничтожили. Целый кувшин набрала

для постреленка ее.

– В святое... ты бы еще на святой источник сходила!

– Отчего нет? Все святые воды были когда-то водами Пяточки. Чего же нам водицей ее не лечиться?

– Истину говорит она, даже слепые знают: вода все хвори уносит! Выкупать в ней мальчика, а вслед за ним выкупать жертву, чтобы ей болезнь передать.

– А я вот в травы верю, – говорили на втором этаже. – Ее еще прабабка моя собирала на третьей горе, сама истолкла. Взаправдашная одолень-трава Зилота-дня... сейчас такую не сыщите... все радиация!

– Я росу почитаю... первая купальская роса все болести снимет.

Все с поклоном пропускали Киевицу вперед, и шепот за Дашиной спиной становился все сильнее, сливаясь в змеиный гул:

– Как же она не уберегла-то его, а еще Ясная Пани?..

– Что тут сказать. Она ж из слепых.

– Я еще никогда не бывала в Башне Киевиц, – нетерпеливо пританцовывали ведьмы на третьем ярусе, уже под самой их дверью.

– Да и я никогда...

– Никто не был, это наш единственный шанс... потому-то все и сбежались!

– Кто как. Я пришла, чтоб Ясным Паннам помочь.

В Башне Киевиц было плохо и пахло странно, как в больнице, но хуже – к лекарствам примешивался гниловатый запах болотных трав, требухи, застоявшейся боли. Все полы были усыпаны какими-то травами, на окнах густыми гирляндами висели обереги – защитные узлы, связки растений. На кухне страшные седые старухи суетливо варили отвары, колдуя одновременно над десятком котлов и кастрюль.

Чуб вошла в круглую комнату Башни и оторопела. Помещение заполнили множество труднообъяснимых предметов – стопки книг, ковчеги с мощами, банки с живыми жабами и саранчой. В центре на высоком деревянном кресле-троне с резной спинкой восседала Маша – обнаженная, как на шабаше, с распущенными рыжими волосами, сияющими вокруг ее головы золотым ореолом. Ее босые ноги покоились на людских черепах, в руках была миска с коливом мертвых, на шее сиял золотой Уроборус, цепь-змея, кусающая свой собственный хвост, а лицо прикрывала страшная полумаска из темной сморщенной кожи... И даже сквозь прорези для глаз Даша Чуб смогла углядеть в глазах младшей из Трех кричащее отчаяние.

Рядом с тронем стражем стояла Глава Киевских ведьм – Василиса Андреевна. Сзади, над кроваткой Машиного сына, тенью высился Мир Красиавицкий.

– Что тут происходит?! – выдохнула Даша.

– Ясная Пани просит вас всех подождать! – мигом оценив ситуацию, громко объявила Василиса посетителям Башни.

Слегка поклонившись прибывшей, Глава ведьм молча вышла из комнаты, оставив двух Киевиц выяснять отношения друг с другом.

– Миша болен, – Маша устало сняла страхолюдную полумаску, ее лицо было покойницы бледным. – И я не могу его исцелить. Я боюсь, что он...

– Но ты ведь умеешь оживлять? – предвосхитила несказанное Даша.

– Если я не смогла исцелить его, думаешь, я смогу его оживить? – скорбно спросила Маша. – Я схожу с ума, – с неестественным спокойствием признала она.

– Не похоже, – сумасшедшие в понимании Чуб были буйными, а Маша – окостеневшей, неподвижной, полумертвой.

– Они все несут и несут мне целительные средства, семейные заклятия, духов из вдовьего болота. Катя побежала искать за Городом черную траву.

– А это еще что за черепушки? – Чуб ткнула носком ботинка в чей-то облезлый череп.

– Не обижай их, не надо! – вскрикнула Маша. – Ведьмы несут мне своих предков-целителей... Они все сейчас здесь.

Но Мише ничего не помогает! Еще немного, и я позволю убить в полночь черную кошку, убить нашего кота Бегемота, чтоб только помочь сыну... Я просто не знаю, что делать!

– А убийство кошки поможет?

– Конечно же, нет, – младшая надела рубашку, натянула свои потертые джинсы, кроссовки, ее жесты были заторможенными. – Наша сила – сила Земли и Неба. Но те, кто не умеют брать ее от Великой Матери, берут ее иначе... из боли, из страданий, из страха. У страха тоже есть огромная сила, в страхе обычный человек может перепрыгнуть двухметровый забор, избить и даже убить противника вдвое сильнее себя.

Даша вспомнила, как буквально пятнадцать минут назад страх и отчаяние позволили ей пройти без заклятия из Прошлого в Настоящее, и кивнула.

– Большая сила есть и у боли, и у смерти... оттого и возникла низшая черная магия, оттого в их ритуалах убивают животных, используют языки повешенных, засушенные руки воров, чрево блудниц... Но мы – другие, мы берем животворящую силу самой Земли, и она намного огромней и бесконечней.

– Чрево блудницы используют для черной магии? – уловила самое актуальное Даша. – И для чего?

– Не помню... прости... Я все думаю, вдруг это проклятие Врубеля? И все его дети гибнут еще в малолетстве?

«...за это Врубель и был наказан Городом, и сумасшествием, и смертью ребенка».

– Ну, уж нет! – опровергла Даша саму себя. – Наш Город, Киев, сам дал тебе твоего сына, а раз дал, не заберет. Скорее уж это проклятие Кылыны!

– Она приходила сюда... Это она наслала на Мишу болезнь. Ты что-то знаешь? Откуда ты пришла? – Маша наконец обратила внимание на Дашин «стимпанковский» наряд.

– Маша, прости меня, – покаянно опустила голову Чуб. – Я должна сказать... мы были в прошлом, в 1888 году... и там у Акнир роман с Врубелем... Хотя он любил тебя! И у меня есть доказательство, я его сфоткала. Но она как-то влюбила его в себя у меня за спиной... Мы пошли в Прошлое искать ее папу. А там Кылына, которая почти умерла оттого, что присушила себя к Врубелю. И все эти Провалля...

– Провалля? – Маша точно очнулась от летаргического сна. – Пожалуйста, расскажи по порядку!

Чуб начала подробный рассказ, тщетно стараясь не перепрыгивать с места на место. Маша тщетно старалась слушать ее, но то и дело оскальзывалась, проваливаясь в свои мысли, в отчаяние – уже бессмысленное, а потому еще более тяжелое и мучительное, ведь мысли порой все же зачищают от чувств, способных захлестнуть нас подобно океанскому цунами, снести нашу жизнь.

И было видно, что нет Маше сейчас дела ни до любви Врубеля, ни до его измены с Акнир, ни до угнетенного положения проституток и порядочных женщин – выслушав в пересказе обличительный монолог о клиторах, она лишь устало

сказала:

– Что ты хочешь? Только в 1936 году из зоопарков Европы убрали все клетки с людьми. До того на черных, эскимосов, индейцев белые люди ходили смотреть, как на зверей. Нашей так называемой цивилизованности очень немного лет, да и существует она на относительно небольшой территории.

А дослушав, только и произнесла:

– Любопытно... у ведьм тоже есть свои суеверия. И они касаются наших святых. Раз Пятница – родня святой Параскеве, значит, зловредный Демон! Пусть простит меня Акнирам, но гулящего дня недели не существует. Пятница – день Великой Матери. У древних римлян – это день Афродиты-Венеры. По-английски friday – день Фрейи. У нас – день Макошь, Матери Земли. Столетия спустя от культа Великой Богини остался лишь мамин-день, когда ей следует оказывать почести. Отсюда и сказание о почитании двенадцати главных пятниц года. В древности дары Макошь приносили каждую пятницу, и жертвой богине плодородия был точно не пост, а нечто прямо противоположное...

– Секс? Тогда Пятница не могла наказывать за секс проституток!

Маша убежденно кивнула:

– Конечно, есть много историй о Пятнице, отрубившей у баб-непочетниц руки или даже содравшей с них кожу. Но наша Великая Мать точно не сводится к мелкому монстру в народном сознании. Пятницу, колющую людей веретеном,

предлагаю забыть сразу, как и Демона Уго... А вот то, что Потрошитель вырезал чрево проституток, нарушавших пятничный запрет – оригинальная версия. Человек, фанатично уверовавший в пятничный календарь, вполне может оказаться убийцей.

Чуб вспомнила чересчур боголюбивого швейцара того самого псевдопорядочного дома, где слишком хорошо знали Ирку Косую, где последний раз видели малышку Елену, но отработать данную версию не успела.

– Или не-человек, – добавила Маша, – знающий, что на Великую Пятницу можно зачать разрушителя мира. Ведь кто-то ходит за вами – два покойника, о которых рассказал Котарбинский. Кто они на самом деле, что они пытались сказать тебе, почему один замолчал – вот настоящий вопрос!

– Так моя, прости господи, пихва никому жить не мешает? – уточнила с облегчением Даша.

– Этого я не говорила, – разочаровала ее младшая из Киевиц. – В нашей Книге нет подобных ритуалов, но часто народные верования сохраняют древние знания лучше магических книг... А в народных сказаниях, и не только украинских, есть много историй о плотоядной вагине с зубами. Если половой акт был частью ритуала в честь Великой Богини, заниматься им в пятницу могли только верховные жрицы... Мы не знаем, с какой целью. Но ты Киевица, одна из жриц... лучше воздержись пока от любовных контактов. Если решишь проверять, проверяй хотя бы на ком-то дурном.

Ой, что я говорю... постарайся не убить никого, пока мы не разберемся, не ты ли Пятый Провал на тот свет. И хорошо, что ты спросила. Я вспомнила, для чего в черной магии используют чрево блудницы. Чтобы открыть проход в мир иной.

– Это я – типа блудница? Да я, между прочим, почти полгода ни с кем!.. Скоро девственницей буду считаться почти.

– Вот и прекрасно. Просто продолжай в том же духе.

– А может, дело вообще не в сексе, а исключительно в делании детей? Не знаю, как пояснить, но все крутится вокруг них: и Уго, и Ира Косая с дочкой, и «русалка» с изувером-отцом, и Акнир, зачатая на Пятницу в Пятнице... и вот теперь твой ребенок.

Маша подошла к кроватке сына, посмотрела на спящего Мишу, потрогала его горячий лоб и сделала глубокий вдох – точно силком старалась вдохнуть в себя побольше силы – надежды и жизни.

– Прости, что я грузю тебя этим! – виновато сказала Землепотрясная Даша. – Сейчас, когда тебе так плохо.

– Наоборот, ты очень мне помогаешь. Ты, как обычно, сдвинула все с мертвой точки, до твоего появления я не знала, что делать... Когда Кылына пришла ко мне, она сказала: «Владимирский... твое... Провалля...» Я сразу побежала во Владимирский, но ничего не нашла там.

– А если Владимирский – тоже Провалля? Это объясняет, почему Акнир как провалилась там! Это, наверное, ка-

кой-нибудь Девятый Провал?

– Не уверена...

– А ты в курсе, что за хрень такая вообще, все Провалля? Почему у нас дырки в мироздании?

– По той же причине, по которой мы, Киевицы, хранительницы Киева, живем именно тут, в Башне на Ярославовом Валу, 1. А Башня высится именно на этом месте. Где твоя метла? – Маша достала из кладовой теплую куртку.

– Нам нужно куда-то слетать? Я сейчас и без нее обхожусь, натренировалась, пока выступала в цирке.

Даша достала из кармана дезодорант, мазнула им себя и подругу. Спросила:

– Куда летим?

– Дай мне руку.

Чуб подошла к Маше и протянула свою ладонь – та крепко сжала ее, ладошка младшей Киевицы была крепкой, сухой, и это порадовало Дашу, подруга не собиралась сдаваться.

– Это и мне поможет, – обратилась она к молчаливому привидению Мира, не отходившему от колыбели малыша, тот кивнул в ответ, поощряя ее. – Мне нужно хоть на миг перестать думать о сыне, очистить голову, и тогда решение придет само... как ты пришла ко мне. Ты хочешь узнать, что такое Провалля? Это легче показать, чем сказать.

Маша вывела свою товарку на балкон без перил, молча указала на розовые и помпезные, как киевский торт, излишне декоративные «Золотые ворота», прочитала закла-

тие, щелкнула пальцами и приказала:

– Летим!

*Неизвестный день, неизвестный год,
неизвестное столетие*

Ветер вцепился Даше в волосы, сбил набок прическу, беспардонно приподнял ее приличную юбку до самых бедер.

Взлетев над Ярославовым Валом, Киевицы приземлились совсем рядом – всего в ста метрах от Башни... Но Город изменился не на сотню – на тысячу лет!

«Золотые ворота» по-прежнему стояли на месте, но само место стало неузнаваемым – с двух сторон от ворот выросла непреодолимая преграда. Маша и Даша приземлились на крыше высокого и крутого вала, окружавшего Киев в XI веке. На рукотворной земляной преграде, высотой примерно в два этажа, было возведено еще одно укрепление – длинная бревенчатая стена, двухэтажная, с бойницами сверху, увенчанная треугольной крышей, казавшаяся еще выше оттого, что внизу под валом плескался глубокий ров с темной водой.

Здесь, за «Золотыми воротами», за защитным валом, за-

канчивался древний Киев.

– Мы живем там, где испокон веков обитали защитницы Города – на улице Ярославов Вал, – сказала Маша, – раньше она именовалась Большой Подвальной... поскольку была построена прямо под валом. Знаменитым валом Ярослава Мудрого, которым князь оградил свой град от врагов.

Чуб посмотрела вниз. Тут, в XI веке, было отчетливо видно то, что скрывалось в XX за стенами высоких домов – как за пределами вала земля словно проваливалась вниз... и будущая улица Богдана Хмельницкого и будущий бульвар Шевченко, и будущий Анатомический театр и будущий Владимирской собор лежали глубоко внизу – в первом Провале, а Киев ниспадал ступенями все глубже и ниже, к будущему проспекту Победы, будущему Ботаническому саду, будущему железнодорожному вокзалу.

– Коли так, Владимирский таки тоже Провалля! – сделала вывод Чуб.

Сейчас она воочию увидела, что древнейший, княжеский Киев не зря назывался Верхним Городом – а их Башня стоит на наивысшей точке града.

– А улица Мало-Подвальная тоже на месте вала? – логично продолжила Даша.

– Вот именно... Мы можем перелететь через ворота? – спросила Маша, не слишком преуспевшая в высшем ведьмацком пилотаже.

– Легко, – Чуб вновь взяла ее за руку.

Словно птицы, они перенеслись через крест полукруглого купола надвратной церкви Богоматери, венчающий «Золотые ворота», – и оказались на другой части вала.

– Ух ты, прикольно! – Даша невольно вытянула шею, стараясь рассмотреть все подробности жизни древнего Города.

От главных золотых врат шла широкая мощенная деревом улица к следующим вратам – в княжеский Киев. А там, где в их времени были прочерчены Золотоворотская, Яр Вал и Владимирская, поместился сейчас сказочный бревенчатый Город, множество деревянных домиков и теремов в один и даже два этажа, с крылечками, двориками, огороженными ладным частоколом. В одной из построек горел огонь, всю трудились кузнец, выделывая молотом будущий щит или меч... Между дворами и зданиями сновали люди в длинных холщовых рубахах и платьях, в кольчугах, и даже шубах – в древнем Киеве тоже царила осень. С внутренней стороны вала бежал широкий ручей, кожевники мочили в нем кожу. Две лошади – рыжая и белая, пили воду, их хозяин, ужасающе бородатый и широкоплечий, ласково поглаживал бок одной из них, приговаривая что-то, и вдруг поднял голову вверх, прищурился, глядя прямо на залетных ведьм.

– А он не пальнет в нас из лука? – спросила Чуб.

– Я так и не отыскала заклинание «невидима и свободна», – со слабой улыбкой сказала Маша. – Но есть не хуже – «хамелеон».

– Так он нас видит или нет?

– Он видит не нас, а двух сорок. Правда, в сорок киевляне тоже любили стрелять. Их считали ведьмами, и не без оснований, – Машино лицо посветлело.

Легко передвигая невесомое тело, она двинулась по гребню крыши в сторону еще не существующей площади Независимости, жестом предлагая второй «птице» идти за собой.

«Странные мы, пешеходные сороки какие-то», – проказливо подумала Чуб.

Как ни странно, ей очень нравилось здесь. В отличие от Прошлого 1888 года, древнейший Киев манил ее своей «настоящестью», неизвестной ей скрытой силой.

– Теперь мы идем как раз над будущей улицей Мало-Провальной, – сказала Маша некоторое время спустя. – А дальше вал пройдет по будущей улице Козье болото – до площади с таким же названием...

– Так все Провалля находится на месте защитного вала?

Чуб снова посмотрела назад – за стену. К «Золотым воротам» змеилась дорога, сейчас на ней не было ни караванов, ни даже одиноких всадников. Ворота были закрыты, поднят подъемный мост, и где-то вдалеке на солнце змеилась, мерцала в осеннем солнце еще полноводная река Лебедь.

– Не на месте вала, а за ним, – сказала Маша. – Святой Город был защищен стеной. Но все, что находилось за стенами, не было святым. И когда враги штурмовали эти стены, они падали мертвыми в Провалля, и когда друзья оказывались врагами, их казнили и сбрасывали с этих стен, и их головы

сажали на колья у этих стен, чтобы разграничить рай и ад...

– Так все, что за стенами древнего Киева, – ад?

– Для кого-то это стало адом... При Ярославе в Киеве жило семьдесят, а может, и сто тысяч людей, после нашествия Батыя в Городе осталось две тысячи. Ты хоть понимаешь, сколько там притаилось смертей? – показала Маша на темную стоячую воду глубокого защитного рва.

И вода, скрывающая ров, вдруг показалась Чуб истинным входом в ад... было сто тысяч... осталось две... и еще тысячи убитых врагов... и все они покоятся там?

Маша покачала головой:

– Провалля – не ад. Но, что посеешь, то и пожнешь. И за пару столетий Провалля, и ров за стенами Города, и яр за ним успели стать чашей смертей, чашей боли и чашей отчаяния... Кстати, Драбские врата, сквозь которые в Киев вошел хан Батый, стояли как раз на месте вашего цирка.

Даша вздрогнула и на миг закрыла глаза – точно опять заглянула в страшную, наполненную кипящей адской лавой чашу Мистрисс Фей Эббот. Не души ли павших у Драбских врат она видела в той золотой чаше на толстой витой ножке?

– Если Провалы – плохая энергия, почему мы используем ее? Ведь и наша Башня – Провал... и Малоподвальная, 13.

– Я тоже размышляла об этом, – сказала Маша. – Думаю, там стояли дозорные башни таких же защитников града, как мы. И не только смерти, но и высокие подвиги, жертвы видели эти стены... У каждой части стены своя история... я

так думаю. И не удивительно, что именно здесь, на границе святости и смерти, образовался разлом... и появились Провалы. Огромные скопления той самой низшей энергии боли, смерти, отчаяния, которую так любят некроманты.

– А ты ничего не слыхала про церковь святой Ирины, которая однажды ушла под землю? – Чуб искала помянутое строение взглядом.

Земляной вал, опоясывавший Город змеей, вбирал в себя купола десятков церквей, и Даша пыталась отыскать хоть что-то знакомое, но не смогла угадать среди них даже родную Софию, рядом с которой прожила большую часть своей жизни. Какая из всех этих византийской постройки церквей – достоправный Софийский собор? Какая загадочная церковь Ирины?

– Вон она, – Маша показала рукой на ближайшие к ним купола. Ее двор почти примыкал к валу, а значит, и к Провалу за ним. – Не слыхала, чтобы она провалилась, ничего такого в истории Киева нет – во всяком случае, в официальной истории. Но, руководствуясь обычной житейской логикой... Оползни с гор всегда были первейшей проблемой Киева, церковь стоит на краю горы. И нет ничего волшебного в том, что однажды, после обильных дождей край горы обвалился вместе с частью частокола и церковью.

– То есть она не провалилась однажды в ад, а просто свалилась вместе с оползнем? – реалистичность версии разочаровала Дашу. – Хотя, впрочем, какая разница... для погиб-

ших людей.

– Думаю, разница отправиться в ад или в рай все-таки есть... Если люди погибли во время службы, когда их души устремились к Богу, то попали они прямо на небо.

Чуб села на гребень крыши. Ветер взъерошил ей волосы. Она испытала смешанное чувство покоя и разочарования. Так всегда было с Машей – ее объяснение сразу расставляло все точки над «і». Вот крепостная стена, а под ней рвы с белеющими на дне человеческими костями, по сути, то же самое кладбище и место казней в одном флаконе, плохая земля с плохой энергией. Все сразу стало понятно... даже слишком. У нее точно украли бередящую душу готическую загадку.

– А как же Провалля за Царским садом?

– Все просто, – Маша смотрела вдаль, на безлюдные пустынные болота Крещатика, – со временем Киев расширился, и границы крепости проходили уже там.

– А проститутки тут при чем?

– Любопытный вопрос. Если отследить историю Города, большинство борделей стояли либо в Провалле, либо под Лысой горой – на Андреевском спуске под Замковой, за Канавой под Щекавицей. Проститутки издревле были низшими жрицами в древних храмах Великой Матери. И теперь, словно бабочки, слепо летящие на огонь, они собираются в местах древней силы.

Маша тоже села на дощатую крышу, поджав под себя одну ногу в стареньких джинсах, задумалась, помолчала – бы-

ло видно, что тут, вдалеке от неизлечимой болезни сына, от неразрешимых проблем – ей стало намного легче, и ее черты разгладились.

– Давай упорядочим все...

Как Даша ждала этих слов!

– Начнем с Ирининской церкви. Ее основала жена Ярослава Мудрого, шведская принцесса Ингигерда – кстати, именно ее Васнецов написал на стене Владимирского собора. Но подозреваю, что Мистрисс привлекла вовсе не жена Ярослава и не история святой Ирины, угодившей в бордель, а Ирий. Христианские храмы часто ставили на месте языческих капищ и называли по созвучию, так, на месте капища Велеса появлялась церковь Власия... и Ирининскую тоже могли построить там, где, по легенде, был вход в Ирий. Так наши предки именовали мир иной, в котором правят царь Ир и царица Ирица. Такой себе древний Провал, куда по мнению дедов улетали на зиму птицы и уползали змеи.

Чуб посмотрела в сторону церкви Ирины (и Ирия?), и заметила, что к забору монастыря прилепились бревенчатый домик и двор, спрятанный от чужих глаз за высоким частоколом. Во дворе горел костер, у огня стояла простоволосая русая женщина в почти такой же страхолюдной сморщенной полумаске, как у Маши во время приема.

«Ведьма, небось... и тут свой Хэллоуин! Или Бабы... или как там их звали в Древней Руси».

– Что же касается Врубеля...

– Поверь, я сделала все, что могла! – поклялась Даша. – Акнир обещала мне не флиртовать с ним.

– Еще утром это бы уязвило меня, но сейчас мне все равно... Я о другом. С тех пор, как мы с ним расстались, я много читала о нем, прочла все, что смогла. И однажды поняла. Киев стал роковым городом его жизни не потому, что Врубель нарисовал здесь своего первого Демона, а потому, что он нарисовал тут своего последнего Иисуса Христа.

– «Моление о чаше»?

– Не только... Миша создал тут двух Демонов. И сотню христианских сюжетов! В те же годы, помимо печально известной Богородицы с лицом Кылыны, он написал для иконостаса в Кирилловской церкви «Иисуса Христа», «Святого Кирилла», «Святого Афанасия». Написал там «Сошествие Святого Духа», «Космос» – Бога-Отца, «Моисея» и «Соломона», «Ангелов с лабарами», Архангела Гавриила, эскиз «Благовещения», эскиз «Архангела Михаила», «Въезд Христа в Иерусалим», «Успение Богородицы», Христа над модельной и «Надгробный плач» сразу в четырех вариантах...

– Ого!

– Не считая больших работ, прорисовал в Кирилловской примерно полтораста фигур!

– Вау! – воскликнула Даша.

– Написал трех ангелов, олицетворяющих времена года, в барабане купола святой Софии. Писал иконы для Алексея Мурашко, владельца иконописной мастерской – «Свято-

го Николая» и «Святого князя Владимира».

– Серьезно? Прикольно увидеть бы...

– Написал «Пятый день творения» во Владимирском, «Адама и Еву в Эдемском саду», «Христа в Гефсиманском» и еще одно «Моление о чаше»... «Ангела с кадилом и свечой», эскизы: двух ангелов, голову ангела, голову пророка... Еще четыре «Надгробных плача», три «Воскресения». Нарисовал чудесную Богоматерь...

– Которую сам и убил.

– А потом вместо нее еще одну... страшную... ужасную и Васнецова, и Прахова. Ночью в крестильне он написал Богоматерь с ощеренными зубами и с когтями. Казалось, она хочет царапаться, как кошка. Две мадонны... Одна – прекрасная, другая – ужасная. В нем словно жил одновременно доктор Джекил и мистер Хайд.

Даша кивнула, она помнила эту историю, подслушанную ею когда-то. Помнила и сюжет Стивенсона, о враче, разделившем себя на хорошее и дурное «я». И о том, как дурное «я» отправилось убивать людей на улицах Лондона.

– А что ты об этом думаешь? – Даша достала из кармана набросок, украденный ими у Мистрисс. – Разве это не сатанизм? – спросила она осторожно.

– Ух ты, он сохранился? – пришла в непонятное восхищение Маша. – Я читала о нем... Вот и еще один христианский сюжет. Это часть триптиха, который он рисовал в Одессе. Христос у гроба Тамары.

– У гроба Тамары?

– Весьма нестандартно! Особенно бутылка на столике...

Хотя, когда Врубель рисовал Гамлета и Офелию, он тоже поместил их в современную мещанскую квартиру с безделушками.

– Черт с ней с бутылкой... Какая Тамара?.. Это же Врубель лежит!

– Согласна, они чем-то похожи, – Маша достала из нагрудного кармана рубахи мобильный, подключилась к всемирной сети и мгновенно нашла нужное ей изображение. – Вот более поздний вариант «Тамары в гробу». Сама посмотри! – ткнула она пальцем в картинку.

Чуб вгляделась в лицо мертвой княжны. Рядом очень кстати всплыл портрет юного, еще безусого Врубеля.

Одно лицо!

– Он считал себя Тамарой? – Чуб была готова вернуться к голубой версии.

– Раз Демона он списал с Кылыны, логично, что Тамару он интуитивно писал с себя. Ведь Тамару погубила любовь к Демону, – сказала Маша, восторженно разглядывая представленный Дашей карандашный набросок. – Но ты увидала самое главное. Раз Тамара – это он сам, нарисовав Христа, который молится о спасении души Тамары, он мечтал и о спасении собственной души... Ведь в конце поэмы Лермонтова душа Тамары отвергает Демона и улетает на небо с ангелом!

– Это не Христос молится Врубелю... – вскрикнула Даша. – Христос молится за него! Он просит избавить его от горькой участи... Это сам Миша молился «Пусть меня минует чаша сия»! Как Христос в Гефсиманском саду.

– Об этом никто никогда не писал, – заговорила тоном историка Маша. – Его христианские сюжеты считали малоудачными. А те, о которых отзывались восторженно, не сохранились... Но Киев стал для Врубеля одной бесконечной попыткой найти Бога. Бесплодной попыткой. Он выбрал Демона. После Киева он уже никогда не возвращался к Христу.

– Ни хрена он не выбрал! – вдруг рассердилась Даша. – У него не было выбора. Это Присуха. Кылына, его личный Демон, навсегда привязала его душу к себе. Вот почему он твердил: Демон – это моя душа! Он чувствовал это. Потому попытался разбить свою работу, а Кылына едва не умерла... он пытался избавиться от нее.

– А позже, когда в конце жизни он написал «Демона поверженного» – он сошел с ума, его сын умер, – печально закончила Маша. – Его наказал Город.

– Нет, Киев никогда не проклинал его! – окатило внезапным озарением Дашу. – Клянусь мамой, это Кылына. Ведь вместе с Демоном он поверг и ее! И она отомстила. Из-за Присухи он навсегда был связан с ней, но и она была связана с ним... Как ты с Миром. Связаны насмерть! Даже странно, как она так прокололась, Кылына ведь умная.

– Она просто недооценила его. До встречи с ней Врубель

был обычным человеком, никому не известным художником, которого она использовала, чтобы осквернить нужную церковь. Она не знала, что он гений... не талант, а настоящий неподдельный гений. А значит, в своей собственной магии – в творчестве он не слабее ее. Возможно, при определенных обстоятельствах он мог бы даже убить ее... – Маша задумалась. – А знаешь, что никогда не приходило мне в голову?

– Что его игра в Провалы – реальность?

– И это тоже. И еще кое-что... он прожил в Киеве примерно пять лет. О двух первых годах мы знаем все. А оставшиеся точно провалились. Почти неизвестно, что он делал все это время. Куда подевались его работы? Он постоянно рисовал, он писал, как дышал, почти не выпускал из рук карандаш. Почему же вместо полотен остались лишь мифы о картинах, которые он бесконечно уничтожал? Один бесконечный провал – вместо информации.

– Намекаешь, что все это время он провел в Провалле?

– «Владимирский... твое... Провалля», – сказала Кылына. Что она хотела от меня? Зачем решила погубить моего сына?

– Он сын Врубеля – может, в этом все дело?

– Зачем ей губить его детей?

– А вдруг это не она, а он? – с ужасом выговорила Даша. – Если Врубель едва не убил Кылыну... Ведь он нарисовал и тебя с ребенком на руках! А потом намалевал сверху Акнир.

А если ваш сын болеет потому, что он его уничтожил – закрасил и тебя, и его? Вдруг Кылына послала тебя во Владимирский, чтобы ты сама увидела это... как Врубель убивает ваш портрет, и тебя, и вашего сына...

Даша пожалела о своих словах – спокойное лицо Маши потемнело, она сразу же встала.

– Мне пора обратно. Я и так оставила сына слишком долго, – младшая Киевица точно забыла, что время в Настоящем стоит. – Перенесешь меня?

Она громко, раздраженно щелкнула пальцами. Пейзаж под ними изменился, они оказались на крыше одного из домов Прорезной. Чуб узнала безрадостный осенний мотив Киева образца 1888 года и почувствовала сожаление и разочарование, Маша словно послала ее на три буквы, – обратно, в унылое, темное Прошлое!

– Вот не люблю я такой Киев... Я знаю, ты любишь старый Город... а я нет... нехороший был год, – сказала Чуб.

– Возможно, это был лучший год, – с грустью сказала Маша. – Она видела сейчас совсем иной Киев, обьятый желто-красным кудрявым огнем осени – унылая нагота почти лишенных деревьев киевских улиц искупалась множеством разбросанных повсюду садов, прячущих среди своих густых ветвей небольшие помещичьи усадьбы. – Это последний год, когда купола еще были выше домов, а вера в Бога – выше веры в прогресс...

Маша повернулась кругом, указывая на десятки золоче-

ных крестов, рассыпанных блестками по осеннему небу – семь толстопуzych куполов Владимирского собора, двадцать куполов Софии, восемь Михайловского-Златоверхого, видные даже отсюда, серебряные купола Андреевской, Десятинной, Трехсвятительской, маленький купол Ирининской, скромный крест Георгиевской церкви, Александровский костел...

– Никогда больше Город не будет ближе к Богу, чем ныне, – сказала младшая из Трех Киевиц. – Киев-златоглав будет однажды лишен головы. Как и Провал, роковой год юбилея крещения – существование на грани... После началась вторая строительная горячка, выросли дома, выросли доходы, повсюду провели электричество. И Киев – столица Веры и столица Ведьм, стал известен как столица элитных куртизанок и бесконечных борделей.

*27 октября по новому стилю,
первый праздник Параскевы Пятницы –
светлой Макошь*

Круглая комната Башни показалась пустой, неудобной, на-

полненной неприятным гулом – в кухне Василиса Андреевна по-прежнему принимала бесконечных гостей.

Маша подбежала к сыну, коснулась его лба – он был слишком горячим. Чуда не случилось. Неназванная болезнь осталась при нем.

Чуб опасливо взяла в руки страхолюдную кожаную полумаску, похожую на маску ведьмы в XI веке:

– А зачем вообще такая штуковина?

– Ах, эта... – равнодушно откликнулась Маша. – Возьми ее, мне она не нужна, – она склонилась над кроватью младшего Миши, словно прикованная к собственной беде. – Я знаю, сердцем знаю, что они мне не помогут. Ответ лежит тут, – дотронулась она до груди. – Ты помогла мне понять это.

– Но для чего эта маска?

– С неолита до наших времен на колядки, на маскарад, на Хэллоуин маски были нужны, чтобы менять свою суть – стать другим, тем, кем хочешь стать... или частью того, что хочешь. Волхвы надевали перед охотой маски из кожи зверей, чтобы стать частью звериного мира, частью природы, где зверь ест зверя, и это естественный гармоничный процесс, данный Великой Матерью.

– А на Хэллоуин? – спросила Даша.

– Чтобы мертвые признали тебя своим. Когда, как они, ты станешь частью Тьмы, то в маске сможешь увидеть их. Узнай, кто твои душечки – в них суть разгадки. Узнай имя

своей Тьмы... и прими свою Тьму.

Ребенок проснулся, заплакал.

– Последний вопрос, – в горле у Чуб свербело еще много незаданного и жизненно-важного, но она стеснялась отвлекать Машу и дальше. – Если ведьма не постилась на первую или вторую Параскеву... или вообще...

– Прости... я больше не могу говорить, – малыш плакал все сильнее, и Маша взяла его на руки.

– Это ты меня прости. Я пойду... мне еще нужно убить Акнир. Никогда не думала, что она меня так обманет. И самый-самый-самый последний вопрос... Ты обещала растолковать чертовщину на Хэллоуин в Анатомическом театре.

– Это смешная история. Хоть ваша Пепита все спутала, ее Хэллоуин по григорианскому календарю был в Ирландии двенадцать дней назад. – Маша быстро сняла с полки толстую книгу Анатолия Макарова «Киевская старина», открыла и сунула Чуб.

СВАДЬБА В АНАТОМИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ –

прочла Даша.

«Выдавал однажды служитель анатомии свою дочь замуж. Но где сыграть свадьбу? Неужели в анатомическом театре, этой обители смерти? Больше нигде: по обычаю следует в доме невесты... После венчания привезли молодых в маленькую комнатку при анатомическом театре, где молодая жила с отцом. Собрались знакомые. Незаметно и полночь подкралась.

Вдруг разгулявшимся гостям захотелось танцевать. Мигом пригласили из соседнего кабака двух скрипачей и трубача. Только где плясать? Комнатка так мала, что повернуться в ней трудно.

– Сюда, сюда, пожалуйста! – недолго думая, кричит отец молодых и ведет всех в секционную залу.

...Вот долетают звуки веселого пиршества и до сонных ушей соседних театру обитателей. Что это? Где музыка?.. На улице составила толпа.

– Мертвецы повставали и пляшут! – слышится в толпе.

– Нет, черти! – возражает другой голос.

– Вон и хвост виден! – добавляет третий.

И все в испуге жмутся друг к другу.

К счастью, проезжал мимо театра один из преподавателей... Он немедленно отправился в театр и, к изумлению танцующих, предстал пред их пьяные очи. Долго потом подсмеивались студенты-медики над отцом злополучной невесты и над проживающими у него молодыми, брачное пиршество которых так комически разрушилось в блаженную минуту веселья».

– Смешно, – Чуб закрыла книгу.

Постояла. Взяла с поминального стола горсть печенек, сунула одну в рот, остальные – в карман. Украдкой стащила с полки фото Маши и сына – вдруг Акнир отыщется и мигом отыщет способ помочь Мише-младшему, разгадав мстительный план своей мамы.

За окном Башни царили морок и тьма.

«...прими свою Тьму».

Землепотрясная вышла на балкон без перил, села прямо на холодный бетон, достала портсигар, закурила.

Рядом с ней из воздуха и дыма соткался Мир Красавицкий.

– Плохо, – поделилась Даша.

Мир открыл какую-то книгу в потертой обложке и прочел:

– Бывают темные дни, а бывают темные времена, и это не наказание, они нужны, чтобы заглянуть внутрь себя... и увидеть ТАМ свет!

– Ни хрена не поняла я про тьму.

– Тьма нужна нам для самопознания! И я согласен с Машей, электричество настолько же изменило жизнь людей в XIX веке, как нашу жизнь изменил Интернет. Лампочки Эдисона осветили мир и отобрали у людей Тьму как способ познания себя. Чем больше света ночью, тем реже мы думаем вечерами – ведь у нас есть другие развлечения. И если однажды современный человек повстречается с собственной душой, он испугается... с не привычки, оттого, что даже не узнает ее. Часто ли ты общаешься со своей душой?

– Не исключено, что как раз пообщалась недавно, когда умерла. Знаешь, было отчего испугаться! – поделилась Даша. – Хоть вообще я считала, что учение и прогресс – это свет... На хрена мне нужна Тьма? Я даже секс при свете люблю!

– Ты солнечная, настоящий «Лев», – покивал Мир Кра-

савицкий. – Но и тебе нужна Тьма, чтоб понять себя. И не каждый свет – благо. Отчего мотыльки гибнут, обжигаясь о жар лампы, огонь свечи? Зачем мудрая Мать создала эту самоубийственную тягу к свету?.. Но не Мать Природа создала электрический свет. Мотыльки гибнут от света, сияющего в пору Тьмы... Тьма не погубила бы, их губит свет, нарушающий законы природы. И неприродный – искусственный свет губит не только мотыльков.

Даша чуть не проворонила главную мысль разговора – засмотрелась на Мира, сейчас, в ночном мраке Макошья, во влажном тумане с пятнами рыжих листьев на деревьях Золотоворотского сквера, он был необычайно, трагически красив. Было в нем нечто от всех героев Врубеля, горбосность всех врубелевских ангелов и Демонов, громадные темные глаза, с провалами в бездны, трагическая складка рта... Хорошо, что красавчики вообще не в ее вкусе, а то пошла бы она по кривой дорожке Акнир! Перед такой демоническо-ангельской физиономией устоять невозможно... Одна загадка, как Маша все еще держится на ногах, почему до сих пор не пала в его объятия?

Неужели, таки старая любовь не ржавеет, и в глубине души она все еще тянется к Врубелю? Как ни прекрасен Мир, похожий на врубелевские полотна, но есть в Мише Врубеле нечто, чего не сыщешь в ином – гениальная беззащитность и какая-то подспудная горная сила, которая и притягивает, и отпугивает от него многих, сила, о которой говорили Котар-

бинский, Акнир и сама Маша.

– Ты ведь умер, – вспомнила внезапно Землепотрясная Чуб. – Мир, ты ж привидение! Скажи мне, ты видел ад?

– Все не так просто, – ответил он словами Акнир. – Я никогда не был там. Не видел ада и, возможно, никогда не увижу. Я всегда был привязан к Маше Присухой, любовным заклятием, которое ты наложила на меня.

– Прости.

– Не извиняйся. Маша считает, что эта привязь – проклятие. Но, я уверен, оно и спасло меня от ада. Я словно отказался умирать. Когда я умер, все что меня волновало – любовь. Моя любовь была жива и жила такой полной жизнью, что ее энергии хватило и мне. И теперь я благодарен тебе за такую смерть.

– Так ты избежал ада? – воспряла духом Землепотрясная. Это была лучшая новость дня! – Потому что я привязала твою душу! И Бог не смог наказать тебя?

– Открою тебе секрет, Бог никого не наказывает, мы прекрасно справляемся с этим заданием сами. И пресловутый Ад – это не наказание. Ад – это наше отражение в зеркале.

– В смысле?

– Давай договоримся, есть Ад... и есть ад. Ад с пламенем, сковородками, чертями, ад как одно сплошное страдание – думаю, твоя Мистрисс права, существует и он. Но есть ад поменьше – место, куда попадают все, кому не удалось угодить в рай. Точнее не место, а места, у каждого оно свое...

Свой маленький дом после смерти. Ты же знаешь, что гроб-домовина означает дом? Моим домом стала любовь к Маше. Поскольку то, что мы чувствуем в момент смерти, то, чем мы являемся в момент смерти, – и становится нашим домом.

– То есть, если человек испытывал в момент смерти страх, боль...

– Он и после смерти будет жить в этом страхе и боли, как в клетке.

– А если хотел убить... он после смерти будет убивать?

– Скорее мучиться жаждой крови. Для убийства призраку нужна реальная сила, а она есть не у всех. Те, кто обладает ею, часто защищают своих живых потомков, помогают своим последователям, становятся духами-защитниками. Таких духов – покровителей городов, семей и людей в древности называли Демонами.

– Демон – это душа, – подтвердил Даша. – Душа, которая обрела после смерти силу, равную плоти. И все Демоны – бывшие люди... и наш Демон тоже?

– Возможно, и он.

– И ты... Мир, ты ведь Демон? – она помолчала, немея пред открывшейся истиной. – Ты – Демон! И давно уже стал им! Я не скажу Маше. Это вряд ли понравится ей...

– И еще большинству из умерших не удастся уйти далеко от собственных домов, – кивнув, как ни в чем не бывало, продолжал Красавицкий. – Потому в невидимом мире так много неприкаянных душ. При жизни они так и не поня-

ли, что есть нечто лучше их дома, их маленького достатка, маленьких желаний, они никогда не смотрели при жизни на небо и не узнали, что есть нечто выше... и, скорее всего, не узнают об этом и после смерти.

– И после смерти тоже есть жизнь?

– Порой очень насыщенная, – улыбнулся Мир Красавицкий. – Мир мертвых столь же многообразен, как мир живых. Как и в мире живых, здесь есть самое глубокое адское дно, есть и райски счастливые. Но большинству после смерти просто паршиво... или никак... Некоторые и вовсе не замечают своей гибели, так же, как, по сути, не замечали и жизни, лишь существуя, подобно животным. Даже мы с тобой, Киевица и Демон, знаем ничтожно малую часть реального мира, с его океанами, горами, странами, материками. Точно так же и, будучи мертвым, я знаю крайне мало о мире мертвых... Я не могу обещать тебе, что ты никогда не отправишься в ад. Но, если хочешь избежать его, сделай так, чтобы тебе было уютно и гармонично в собственном доме. Не в этом, – показал он на Башню Киевиц. – И даже не в этом, – хлопнул он ее по колену. – Тебе должно быть уютно в собственной душе.

Потому что и ад, и рай – это всего лишь наше отражение в зеркале.

– Боюсь только, что я уже видела свое отражение, – Даша опечалилась, припоминая персональный портрет: пьяное лицо, обнаженная грудь, задранная юбка, страшный вихрь между ног. – Я видела кусок своего ада... Я – это ад!

– Тогда стань своим раем, – просто сказал Мир Красавицкий.

**Глава десятая,
заманивающая нас на
легендарную улицу Ямскую**

*1 ноября, по старому стилю,
1888 года, Кузьминки*

Сдержать обещание и убить Акнир в тот же вечер не получилось, и на следующий – тоже.

Веда исчезла, провалилась в Провал, а вместе с ней провалился и Врубель – во Владимирском соборе, куда Даша навещалась за день по несколько раз, о нем не слыхали.

Другое убийство всколыхнуло весь Киев – когда утром 1 ноября горожане прочитали заметку «Наш Джек-потрошитель» об убийстве пятнадцатилетней проститутки Елены, дочери другой убитой проститутки – Ирины.

Тело девушки нашли на Козинке, пустое и обескровленное, лишенное органов, похожее на старый изрезанный мешок. Ее почки и печень, матка, селезенка и сердце были выложены рядом изысканным узором.

И Киев взорвался страхом... «Думские девчата» ходили теперь не попарно, а большими компаниями, и жались друг к дружке. Переполох накрыл цирк. Особенно, когда все узнали об исчезновении юной Акнир, пропавшей где-то на темных улицах Города в одну ночь с несчастной Еленой.

Впрочем, как раз всеобщее убеждение, что той же ночью мамзелька стала жертвой кровавого Потрошителя, позволило ее старшей сестрице Коко сохранить работу.

Вечером 1 ноября ей впервые пришлось выступать одной, но уже промчавшаяся по Киеву дурная слава жертв Джека

и слова шталмейстера, сказанные в преддверии канкана на шесте «...к огромному несчастью нашему сегодня пред вами выступит лишь одна из сестер Мерсье. Вторая исчезла при известных всем вам трагических обстоятельствах...» – лишь усилили ажиотацию публики, и успех у Коко был пуще прежнего.

– А ведь говорила я ей, не вступайте во Тьму, – вздыхала Пепита, которую Чуб пригласила переодеваться в свою персональную уборную. – Как крест ей выпал, я сразу сказала, могилка ее ждет... и как же так вышло?

– Не знаю. Она выбежала из собора... Я за ней. А ее уже нет, – честно поведала Даша.

В тот день ей хотелось как можно скорей добраться до своих мебелирашек и основательно поразмыслить о прошедшем и будущем, но возле уборной ее уже поджидал господин Альфред Шуман, высокий, облаченный в великолепный цилиндр и длинный черный плащ с белой подкладкой – неумолимый, как сама смерть.

– Все билеты на завтра распроданы, все зеляют видеть сестру жертвы Jack the Ripper, – сообщил он. – А завтра вечером вы исполняете канкан а-ля натюрель.

– Разбежались... спешу и волосы назад! Мими нет. А лично я на танцы без трусов не подписывалась, – отрезала Чуб.

– Не зелаете? – процедил директор. – Тогда...

«...можете считать себя свободной», – ожидала услышать она.

И ошиблась.

– ...Тогда мне придется принудить вас к исполнению этой гимнастической безделицы. Если потребуется, я заставлю вас силой!

И в уме Чуб сама собой нарисовалась афиша: «Сегодня состоится решительная борьба по украино-немецким правилам между знаменитой mademoiselle Мими и прославленным дрессировщиком господином Шуманом».

Кто победит?

Она вдруг поняла, что не знает ни одного сильного заклятия, и ощутила себя до обидного беззащитной в бледных, как устрицы, глазах «карабаса». Однако не сдалась, тряхнула беловолосой гривой, дерзко взирая на мастера конной дрессуры:

– А заставлялки хватит? А то знаете, как у нас говорят... Если б я имел коня, это был бы номер, если б конь имел меня – я б наверно помер!

Длинное жало шамбарьера мистера Шумана, свистнув, полетело на Дашу... Но тут чья-то рука в кожаной перчатке поймала кнут на лету. Между Коко и директором стоял мистер Юлиус Зетте, уже облаченный в лавровый венец и костюм Юлия Цезаря.

«Ну, прямо мистер Х!» – восхитилась Даша, вспомнив похожую сцену из старого фильма, – сходство дополнялось наличием маски, правда, у Х она скрывала половину лица, у Зетте всю физиономию. Но самое главное не было скрыто –

взгляд истинного укротителя львов!

Не сказав ни единого слова, Зетте приблизился к Шуману и заглянул ему прямо в глаза – некоторое время дрессировщики мерялись взглядами, и повелитель хищников закономерно взял вверх над хозяином конюшни. Директор нехотя опустил руку с кнутом.

Величайший из Цезарей отсалютовал Даше правой рукой, показывая, что не может забыть самую бесстрашную и прекрасную женщину, и двинулся в направлении буфета.

«Эх, кабы он вообще не снимал маску, я бы с ним замутила... или попросить его не снимать ее хотя бы во время секса?» – воспарила она.

И упала... Если Маша не ошиблась, если древний обряд существует и Киевицы, не принявшие на Великую Пятницу пост, превращаются в монстров – в пожирателей мужчин в самом прямом плотядном смысле... не может она ни с кем замутить!

Разве что с господином Шуманом – и исключительно с целью самообороны. Все равно другого ведьмовского способа взять над ним вверх у нее нет. Мазать директора тирличем – бессмысленно. «Логус», единственное, что ей удалось заучить, переводит с иностранного. Директор же отменно говорил на ее языке, хотя метафорически они и общались на разных.

С другой стороны, а почему не попробовать? Хуже ж не будет!

Чуб быстро прошептала заклятие – видимых перемен не последовало.

«Рискну...» – решила она и сказала убойную правду.

– Я во-о-ще не могу танцевать без трусов. Я сама не знаю, что у меня под трусами... но это очень, очень опасно для мужчин!

– Болезнь Венеры! – директор понял ее по-своему... но понял! – Оттого-то еще в Париже я сделал портному заказ... шесть дюжин мужских предохранителей из лучшего сафьяна во избежание нежелательного французского насморка.

«Логус» несомненно сработал – Альфред Шуман заговорил с ней так, точно Чуб превратилась из брыкливой трюкачки в друга-джентльмена.

– А чё, презервативы ща-с шьют на заказ? – проявила искренний интерес к проблеме Землепотрясная Даша. – А в каком состоянии мерку снимают – в активном? Шесть дюжин? Да вы, я смотрю, не только игог-го... вы у нас ого-гого!

И тут случилось немыслимое – Шуман стеснительно улыбнулся.

И почему никто раньше не использовал «логус» для обычного простого понимания между людьми? Может, просто потому, что ведьмы никогда и не стремились понять слепых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.